

ДЕЦЕД И ЭХО

Ирина Васильева

Ирина Васильева

Пепел и Эхо

«Автор»

2026

Васильева И.

Пепел и Эхо / И. Васильева — «Автор», 2026

Трансформация — это не дар, а проклятие. Когда Антон Трофимов впервые обращается в зверя под светом полной луны, его жизнь превращается в кровавый кошмар. Но настоящие ужасы начинаются, когда он узнает правду: существуют монстры пострашнее оборотней. Древняя пустота, именуемая Легионом, просачивается сквозь трещины реальности, чтобы поглотить саму суть жизни. Чтобы выжить, Антону приходится примкнуть к разношерстной стае подростков-изгоев под руководством сурового вожака Ильи. Вместе они учатся управлять внутренним огнем, превращая боль трансформации в оружие против теней. Однако враг оказывается умнее и древнее любых легенд. Потеряв дом, друзей и надежду, герои понимают: грубая сила лишь питает бездну. Их единственная надежда — найти хрупкий баланс между первобытным пламенем зверя и абсолютным холодом пустоты, став «Подем Равновесия».

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах железа и хвои.	5
Глава 2. Костёр и клыки.	12
Глава 3. Вкус крови и свободы.	17
Глава 4. Эхо клыков и цена крови.	21
Глава 5. Частицы зверя.	24
Глава 5.1. Хирургическая точность.	27
Глава 5.2. Мизинец и бездна.	31
Глава 6. Тень в чаше.	35
Глава 6.1. Шёпот в пустоте.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пепел и Эхо

Глава 1. Запах железа и хвои.

Воздух в кабинете химии был густым, тяжелым и пах едкой смесью нашатыря и чего-то горелого — то ли пробирка треснула от перегрева, то ли чей-то эксперимент пошел не по плану. Антон сидел за последней партой у окна и бездумно водил ручкой по обложке тетради, рисуя сложную схему молекулы, которой не существовало в природе. За окном бушевал сентябрьский ливень, превращая вид на школьный двор в размытую акварель. Голос Людмилы Викторовны доносился до него словно сквозь слой ваты.

— ...И если вы думаете, что *валентность* — это название какой-нибудь новой рок-группы, то я вас разочарую. Это основа основ! Ковалентная полярная связь... Трофимов! Я к кому обращаюсь?

Антон вздрогнул и поднял голову. Весь класс смотрел на него. Людмила Викторовна стояла у доски, держа в руке мокрую тряпку, с которой капала мутная вода прямо на формулу серной кислоты (H_2SO_4).

— Простите, я... задумался, — промямлил он, чувствуя, как краска заливает щеки.

— О чем же, позвольте узнать? О квантовой физике или о том, как списать контрольную у соседа? — язвительно поинтересовалась учительница. Класс тихо захихикал. Сосед по парте, Витька, демонстративно отодвинул свою тетрадь подальше от Антона.

— Ни о том, ни о другом, — буркнул Антон, опуская взгляд обратно на свой рисунок. Он добавил к несуществующей молекуле еще одну черточку связи, а затем жирно зачеркнул всё это крест-накрест.

Урок тянулся мучительно долго. Химия всегда давалась ему хуже всего. Цифры и формулы никак не хотели складываться в его голове в единую картину, в отличие от уроков литературы или истории, где можно было опереться на образы и эмоции. Но сегодня даже история Древнего мира казалась бы увлекательной по сравнению с валентностью углерода. Мысли Антона постоянно уплывали куда-то далеко, за пределы душного класса, туда, где шумел настоящий лес, а не тополя под окном школы.

Всё началось три недели назад. Сначала это были просто странные сны. Не кошмары, нет. Скорее, невероятно яркие, гиперреалистичные ощущения. Он бежал. Бежал на четырех лапах, ощущая, как мощно сокращаются мышцы спины и задних конечностей. Мир вокруг был черно-белым, но при этом наполненным миллионами оттенков серого и взрывом запахов.

Он чуял влажную землю после дождя, острый аромат прелых листьев, след пробежавшего здесь час назад зайца и далекий, едва уловимый дымок из трубы родного дома. И еще один

запах... Этот запах появлялся во сне чаще других. Резкий, металлический, тревожный. Запах крови. От него шерсть на загривке вставала дыбом, а из глотки рвалось низкое утробное рычание. Он просыпался в холодном поту, сжимая пальцами скомканную простыню так, будто хотел разорвать её в клочья.

Затем пришли физические изменения. Обострилось обоняние. Обычные вещи вдруг начали пахнуть невыносимо сильно: мамин парфюм, который раньше казался приятным, теперь вызывал головную боль; запах школьной столовой, смешанный из аромата тушеной капусты и хлорки, заставлял желудок сжиматься в спазме. Зрение тоже стало другим. В сумерках он видел лучше, чем днем, замечая мельчайшие детали, которые раньше ускользали от внимания — трещинку на потолочной плитке, пылинку, танцующую в луче света, микроскопическую царапину на корпусе своего телефона.

А потом была та ночь. Полнолуние. Луна висела над деревней Глухово огромная, багровая, словно налитый кровью глаз. Она звала его. Этот зов был не звуком, а вибрацией внутри черепа, непреодолимым желанием выйти из дома, сбросить с себя оковы одежды и человеческой сущности. Антон боролся с собой до полуночи, метаясь по комнате, грызя костяшки пальцев до боли. А потом сдался.

Он выскользнул через окно второго этажа (как он это сделал, не сломав себе шею, он до сих пор не понимал), приземлившись на все четыре конечности совершенно безболезненно.

Лес принял его сразу, как старого друга. Тело начало меняться еще до того, как он достиг первых деревьев. Кости выкручивало, суставы выворачивались под невозможными углами, кожа натянулась и лопнула, выпуская наружу густой черный мех. Боль была адской, но она длилась лишь мгновение, уступив место чистейшему, первобытному экстазу свободы. Он завыл. Громко, протяжно, вкладывая в этот звук всю свою дикую радость освобождения. И мир ответил ему. Десятки запахов ударили в нос, звуки леса стали объемными и четкими. Он был хищником. Он был частью этого древнего, спящего мира.

Очнулся он утром, голый и продрогший, на краю картофельного поля в километре от деревни. Рядом лежала его одежда, аккуратно сложенная стопкой. Как он вернулся домой, помнил смутно. Помнил только липкую грязь на теле, звериную усталость и чувство глубокого, животного удовлетворения, которое тут же сменилось ледяным ужасом. Что это было? Галлюцинация? Сумасшествие? Он посмотрел на свои руки — ногти были обломаны, под ними запеклась земля, а на предплечье красовался свежий, глубокий порез, которого точно не было вчера.

С тех пор жизнь превратилась в ожидание. Ожидание следующего полнолуния. Страх перед тем, что кто-то узнает. И жгучее, болезненное желание пережить эти ощущения снова.

Звонок прогремел как выстрел. Антон вскочил, чуть не опрокинув парту, и первым ринулся к выходу из кабинета, расталкивая одноклассников. Ему нужен был воздух. Срочно.

В коридоре царил привычная суета, но для Антона все звуки были слишком резкими, оглушающими. Смех девчонок из параллельного класса бил по ушам, скрип кроссовок по линолеуму казался скрежетом металла. Он добрал до туалета на втором этаже, заперся в кабинке и прижался лбом к холодной кафельной стене. Сердце колотилось где-то в горле.

«Соберись, — приказал он сам себе. — Ты не псих. Это реально. Это происходит».

Он глубоко вдохнул, пытаясь сосредоточиться на одном конкретном запахе — «Лесной» освежитель воздуха-автомат, висящий на стене. Искусственный, химозный, но знакомый. Постепенно пульс начал замедляться. Когда дверь туалета хлопнула, впуская новых посетителей, Антон уже мог контролировать дрожь в руках.

На следующей перемене он вышел на улицу, спрятавшись под навесом запасного выхода. Дождь немного утих, превратившись в мелкую водяную пыль. Антон закурил украденную у отца сигарету, пряча огонек в ладонях. Курение помогало хоть как-то заземлиться, почувствовать себя обычным подростком, а не ходячим набором аномалий.

— Огоньку не найдется? — раздался рядом тихий, спокойный голос.

Антон резко обернулся. У стены, прислонившись плечом, стояла девушка. Новенькая. Кажется, Лера. Перевелась к ним в начале четверти, но держалась настолько обособленно, что Антон толком ничего о ней не знал, кроме имени. Одетая она была странно для этой погоды: легкая джинсовая куртка поверх тонкой футболки, и ей явно не было холодно.

— Держи, — он протянул ей зажигалку.

Она подошла ближе, взяла зажигалку, щелкнула ею и прикурила тонкую ментоловую сигарету. Вернув зажигалку, она не отошла, а осталась стоять рядом, глядя на мокрый асфальт. Повисла неловкая пауза.

— Ты ведь Антон, да? — спросила она, наконец выпустив струйку дыма.

— Ну да. А ты Лера.

— Знаешь, почему я попросила у тебя прикурить? — она повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Взгляд у неё был тяжелый, изучающий. Серые, почти стальные глаза.

— Потому что тебе нужна сигарета? — попытался пошутить он, отводя взгляд.

— Нет, — усмехнулась она, но улыбка не коснулась её глаз. — Потому что я учуяла твой страх. Он пахнет... железом и свежей хвоей. Очень отчетливо.

У Антона перехватило дыхание. Сигарета в пальцах задрожала, и горячий пепел упал ему на кроссовок. Он замер, боясь пошевелиться. Кровь отлила от лица.

— Ч-что?.. — выдавил он.

— Расслабься, — Лера сделала последнюю затяжку и щелчком отправила окуроч в лужу, где тот зашипел и погас. — Я такая же, как ты. Или будешь таким же. Скоро первое полнолуние, верно? Оно пугает до чертиков. Я помню своё.

Мир вокруг Антона сузился до одной точки — лица этой незнакомой девушки. Все звуки школьного двора исчезли. Остался только бешеный стук сердца и её слова, эхом отдающиеся в голове.

— Кто ты? — прошептал он.

— Та, кто знает правду, — просто ответила она. — Пойдем. Нам нужно поговорить. Здесь слишком много чужих запахов.

Она развернулась и пошла прочь, уверенная, что он последует за ней. И Антон пошел. Ноги двигались сами, словно ведомые чужой волей. Они обогнули здание школы, прошли мимо футбольного поля и углубились в небольшой перелесок, отделявший школу от жилых домов. Здесь было тише. Запахи асфальта и бензина сменились ароматом влажной коры и грибов.

Лера остановилась, прислонилась спиной к стволу старой березы и выжидающе посмотрела на него.

— Говори, — потребовал Антон, останавливаясь в двух шагах от нее. Его защитный механизм включился, выставляя колючий панцирь агрессии. — Что значит "такая же"? Что со мной происходит?

— Трансформация, — будничным тоном произнесла Лера. — Генетический сбой. Проклятие предков. Называй как хочешь. Суть одна. В тебе просыпается зверь. Первородный хищник. Волк.

— Это бред, — отрезал Антон, хотя каждое её слово попадало точно в цель, отзываясь болезненной правдой в каждой клеточке его тела.

— Разве? — она выгнула бровь. — Тогда расскажи мне, где ты был в прошлое полнолуние ночью? Почему твои кроссовки неделю назад были покрыты слоем болотной грязи, хотя дождей не было? И почему у тебя под ногтями вечная земля, сколько бы ты их ни чистил?

Антон почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Она знала. Она знала всё. Эта странная новенькая каким-то образом раскопала самые темные секреты его последних недель. Паника начала перерастать в гнев.

— Следишь за мной? — прорычал он, делая шаг вперед. — Кто тебя подослал?

Лера не шелохнулась. Она лишь слегка наклонила голову набок, принохиваясь.

— Вот опять, — удовлетворенно кивнула она. — Запах меняется. Появляется нотка мускуса и адреналина. Ты злишься. Это хорошо. Гнев — отличная подпитка для первого оборота. Контролировать его сложнее всего, но зато сила...

— Хватит! — крикнул Антон. — Просто скажи, что тебе нужно!

— Мне ничего не нужно, — спокойно ответила она. — А вот тебе нужна помощь. Иначе ты либо сойдешь с ума, думая, что галлюцинируешь, либо сорвешься в школе и обратишься прямо посреди урока физкультуры. Представляешь фурор? Училка по физре будет в восторге.

Картина была такой яркой и абсурдной, что напряжение на секунду отпустило. Антон фыркнул, представив себе эту сцену. Лера позволила себе легкую улыбку.

— Видишь? Уже лучше. Послушай, Антон. Я могу помочь тебе пройти через это. Научу контролировать боль, объясню правила. Есть другие. Такие же, как мы. Мы называем себя стаей.

— Стаей? — переспросил он. Слово звучало дико, архаично, но при этом удивительно правильно.

— Да. Стая — это семья. Те, кто понимает. Илья, Димка... Катя. Нас мало, но мы есть. Без нас ты останешься один на один с этим. Один против инстинктов, которые будут разрывать тебя изнутри каждый месяц.

Предложение было заманчивым и пугающим одновременно. Быть одному становилось невыносимо. Делиться своей тайной с обычными людьми — самоубийство. А эта странная девушка предлагала выход. Предлагала принадлежность.

— Зачем тебе это? — с подозрением спросил он. — Зачем помогать мне?

— Потому что когда-то помогли мне, — её взгляд на миг стал отстраненным, словно она смотрела в свое прошлое. — Потому что быть одному — худшее наказание. Решайся. Сегодня вечером. На старой заимке, в глубине леса. Знаешь, где это?

Антон кивнул. Кто же не знал это место? Заброшенный охотничий домик километрах в пяти от деревни. Место старых баек про беглых каторжников и медведей-шатунов.

— Приходи на закате. Я буду ждать. И... оденься теплее. Там сыро.

Она оттолкнулась от дерева и собралась уходить.

— Подожди! — окликнул её Антон. — Если ты такая... опытная. То кто сейчас сильнее? Ты или... зверь во мне?

Лера остановилась и обернулась. Её губы тронула хищная ухмылка.

— Пока что я, — сказала она. — Но это временно. Твой зверь голоден, Антон. И он очень силен. Сильнее, чем ты думаешь. Сильнее, чем любой из нас. Будь осторожен.

Сказав это, она развернулась и быстро скрылась за деревьями, оставив Антона одного. Он стоял, слушая, как затихают вдали её шаги, и чувствовал себя так, будто его только что посвятили в самую страшную и захватывающую тайну вселенной.

Дождь прекратился совсем. Сквозь редяющие облака робко пробивался луч солнца, высвечивая пар, поднимающийся от земли. Антон докурил вторую сигарету подряд. Руки больше не дрожали. Вместо страха и растерянности внутри поселилась твердая, холодная решимость.

Сегодня он перестанет быть жертвой собственных кошмаров. Сегодня он получит ответы.

До конца учебного дня он просидел как на иголках, механически отвечая на вопросы учителей и игнорируя любопытные взгляды одноклассников. Всё его существо было сосредоточено на предстоящем вечере. Школа казалась декорацией, фальшивым миром, из которого ему не терпелось вырваться.

Когда последний звонок прозвенел, он пулей вылетел из здания. Домой заходить не стал. Переделал в старые, прочные вещи в гараже, взял отцовский рюкзак, кинул туда термос с горячим чаем, нож, фонарик и пару бутербродов. Мать подумает, что он зависает у друзей. Главное — вернуться до рассвета.

Солнце уже цеплялось краем диска за верхушки дальнего леса, окрашивая небо в багровые тона, когда Антон ступил под своды настоящей тайги. Воздух здесь был иным — чистым, пьянящим. Каждый вдох наполнял легкие ароматами сосновой смолы, сырого мха и грибницы. Его чувства, обостренные приближением трансформации, воспринимали этот букет запахов с невероятной ясностью. Он шел знакомыми тропинками, но сегодня они казались другими — живыми, наблюдающими за ним.

Чем глубже он заходил в лес, тем быстрее темнело. Вскоре он уже шел в полумраке, ориентируясь скорее по памяти и интуиции, чем по зрению. Наконец, между стволами вековых елей показался покосившийся силуэт старой избышки. Изба выглядела заброшенной и мрачной, но из щели в забитом окне пробивался слабый свет.

Антон остановился на краю поляны, собираясь с духом. Сердце колотилось где-то в горле. Он сделал глубокий вдох, наполняя легкие прохладным вечерним воздухом, и решительно направился к двери.

Он постучал. Три раза.

Дверь со скрипом приоткрылась. На пороге стояла Лера. Она переделалась в спортивные штаны и толстовку, волосы убрала в высокий хвост. Позади неё, в свете керосиновой лампы, сидели еще трое. Угрюмого вида парень с короткой стрижкой (наверняка Илья), невысокий, встревоженный пацан (Димка) и хрупкая девушка с отсутствующим взглядом, которая даже не подняла головы (Катя).

— Проходи, — сказала Лера, отступая в сторону. — Добро пожаловать в стаю.

Антон перешагнул порог, оставляя позади свой старый мир. Внутри избышки пахло пылью, сухим деревом и чем-то еще... Чем-то диким, животным и знакомым. Запахом дома. Дверь за его спиной закрылась с глухим стуком, отсекая последние лучи умирающего дня.

Глава 2. Костёр и клыки.

Внутри заимки было душно, пахло сыростью, прелой листвой, которую натащили на обуви, и чем-то еще — острым, звериным запахом самой стаи. Антон замер у порога, чувствуя себя лишним в этом тесном пространстве, освещенном лишь тусклым светом керосиновой лампы и отблесками огня из небольшого каменного очага посреди комнаты.

— Закрой дверь, дует, — не отрывая взгляда от пламени, буркнул Илья. Это был парень лет семнадцати, широкоплечий и крепкий, с руками, покрытыми мелкими шрамами, похожими на следы от когтей или ожогов. Он сидел прямо на полу, подбрасывая в огонь сухие еловые ветки, которые шипели и трещали, выбрасывая снопы искр.

Антон послушно прикрыл скрипучую дверь. Щелчок старого замка прозвучал как приговор.

— Ну что встал? Проходи, раз пришел, — голос Ильи звучал глухо, без тени дружелюбия. — Или уже передумал? Дверь там же, где была.

Лера легонько подтолкнула Антона в спину.

— Не обращай внимания, он всегда такой. Садись, — она кивнула на свободное место рядом с Димкой. Тот подвинулся, освобождая кусок пыльного одеяла, расстеленного на полу. Парень выглядел младше остальных, лет пятнадцать, не больше, и постоянно теребил рукав своей толстовки, бросая на Антона испуганные взгляды.

Катя, сидевшая по другую сторону очага, так и не проронила ни слова. Она просто смотрела на огонь своими огромными, темными глазами, и в её взгляде читалась такая глубокая усталость, будто она прожила за свои шестнадцать лет несколько веков. Её присутствие ощущалось физически — тяжелое, давящее молчание.

Антон неловко опустился на пол, скрестив ноги. Рюкзак он прижал к груди, словно щит.

— Так... и что теперь? — спросил он, обводя взглядом всех присутствующих. — Мы будем петь песни под гитару и рассказывать страшилки?

Димка нервно хихикнул, но тут же умолк под тяжелым взглядом Ильи. Лера усмехнулась уголком губ.

— Почти угадал. Только вместо песен будет вой, а вместо страшилок — реальность. Ты ведь хочешь знать, что с тобой происходит?

— Я хочу понять, почему это со мной происходит, — поправил Антон, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И как это остановить.

— Остановить нельзя, — впервые заговорила Катя. Голос у неё оказался тихий, мелодичный, совершенно не вязавшийся с её мрачным видом. — Можно только научиться жить с этим. Контролировать. Иначе зверь возьмет контроль над тобой. И тогда ты станешь опасен. Для других. И для себя самого.

Она говорила медленно, делая паузы между словами, словно каждое давалось ей с трудом.

— А если я не хочу учиться? Если я просто хочу быть нормальным?

Илья фыркнул, швырнув в костер целую охапку веток. Пламя взметнулось вверх, осветив его лицо снизу, отчего черты стали резкими и зловещими.

— Нормальным? — переспросил он с горьким смешком. — Поздравляю, Трофимов. Ты официально перестал быть «нормальным» в ту ночь, когда твоя ДНК решила переписать правила игры. Обратной дороги нет. Можешь поплакаться мамочке, но она увидит в тебе не сына, а ужин. Инстинкты, они такие. Жестокие.

— Хватит, Илья, — ровным тоном оборвала его Лера. — Его нужно учить, а не запугивать до полусмерти. Хотя доля правды в твоих словах есть, — добавила она, снова поворачи-

ваясь к Антону. — Страх — твой первый враг. Зверь питается им. Чем сильнее ты боишься трансформации, тем больше она проходит и тем меньше контроля у тебя остается.

— Больно... — прошептал Димка, все так же терзая свой рукав. — Это очень больно. Как будто тебя ломают изнутри. Кости... они хрустят...

— Заткнись, мелкий! — рявкнул Илья, и Димка сжался в комок, замолчав.

— Нет, пусть говорит, — неожиданно вступилась Катя. Она перевела взгляд на Димку. — Пусть расскажет. Ему полезно знать правду. Боль — это часть процесса. Но её можно принять. Расслабиться и позволить телу измениться. Соппротивление только усиливает страдание.

Антон сглотнул. Образ того, как его кости выворачиваются из суставов, вызывал тошноту. Он вспомнил утро после первого обращения: дикую слабость во всем теле, саднящую кожу и странное чувство правильности происходящего, которое пугало даже больше, чем сама боль.

— Первый раз самый тяжелый, — мягко сказала Лера, заметив его бледность. — Потом привыкаешь. Тело запоминает путь. В следующий раз трансформация займет минуты, а не часы. И ты будешь помнить себя. Сохранять разум.

— Разум волка отличается от человеческого, — снова заговорила Катя, глядя в огонь. — Он древний. Простой. Там нет места сомнениям, сожалениям или сложным планам. Есть голод. Есть стая. Есть территория. И есть враг. Когда ты обращаешься, наша задача — сделать так, чтобы человеческая часть осталась наблюдателем. Чтобы ты управлял инстинктами, а не наоборот.

— И как этому научиться? — спросил Антон, которому наконец удалось справиться с первым приступом паники. Любопытство брало верх.

— Практика, — отрезал Илья. — Теория бесполезна. Нужно почувствовать свою вторую суть. Принять её. Завтра ночью мы пойдем в лес. Все вместе. Ты побежишь с нами. Почувствуешь стаю.

— Завтра? — выдохнул Антон. — Но полнолуние через три дня!

— Именно поэтому завтра, — пояснила Лера. — Трансформацию запускает не столько луна, сколько её свет и гравитационный цикл. Пик силы приходится на самую ночь полнолуния, но процесс начинается раньше. Завтрашняя ночь идеальна для первого пробного забега. Ты обратишься не полностью, возможно, частично. Это позволит тебе ощутить силу, скорость, новые чувства, но сохранить человеческий рассудок. Будет легче контролировать переход.

— А если я не смогу? Если я сорвусь и нападу на вас? На него? — Антон кивнул на Димку.

На этот раз ответил Илья. Он поднялся на ноги одним плавным движением, отряхивая джинсы от хвойных иголок. В свете костра он казался выше и массивнее.

— Тогда мы тебя остановим, — спокойно сказал он. — Поверь, мы умеем. Каждый из нас проходил через это. Я лично уложу тебя мордой в землю, если понадобится. Без обид. Выживание стаи важнее чувств одного новичка.

Его тон не оставлял пространства для споров. Это была констатация факта, простая и жестокая, как законы природы. Антон понял: эти ребята действительно готовы ко всему. Они живут в этом мире каждую минуту, а не только прячутся по заимкам.

— Хорошо, — твердо сказал Антон, удивляясь собственной решимости. — Что мне делать сейчас?

— Сейчас ты просто слушаешь, — ответила Лера. — И учишься дышать. Запахи — это твои глаза. Закрой их.

Антон недоверчиво посмотрел на неё, но выполнил просьбу. Мир погрузился во тьму, но почти сразу начал наполняться информацией. Первым делом ударил густой запах дыма от сырых дров. Затем — кислый аромат пота от сидящих рядом ребят, который, впрочем, не вызывал отвращения, а скорее говорил о принадлежности к одной группе. Он чуял запах мок-

рой земли, проникающий сквозь щели в полу, смолистый дух горящих еловых лап и тонкий, едва уловимый металлический привкус крови. Откуда кровь?

Он открыл глаза.

— У тебя идет носом кровь, — бесстрастно заметила Катя.

Антон провел рукой под носом и увидел на пальцах темные капли. Сердце пропустило удар, пульс участился. Кровь. Этот запах... Он почувствовал, как внутри начинает закипать глухое рычание. Желудок свело спазмом голода, не физического, а какого-то глубинного, животного.

— Спокойно, — голос Леры стал жестче. — Антон! Посмотри на меня. Слушай мой голос. Дыши глубже. Замедли пульс. Это адреналин. Твое тело реагирует на стресс и запах крови. Борись с этим. Загони зверя обратно.

Ее команда сработала как щелчок выключателя. Антон заставил себя сделать медленный вдох через нос и длинный выдох через рот. Рычание утихло, превратившись в глухой хлопок в горле, а затем исчезло совсем. Голод отступил, оставив после себя лишь легкое головокружение. Кровотечение прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Вот видишь, — удовлетворенно кивнула Лера. — Уже получается. Ты чувствуешь зов, но можешь ему противостоять. Это главное.

— Впечатляет, — хмыкнул Илья, возвращаясь на свое место у костра. — Обычно новенькие либо блюют, либо пытаются отгрызть кому-нибудь руку. А этот держится.

— Он сильный, — тихо произнесла Катя, и впервые в её голосе проскользнуло что-то похожее на интерес. — Сильнее, чем кажется. Его зверь... он голодный. Очень голодный.

Повисла тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в очаге. Антон чувствовал себя выжатым как лимон. Эмоциональная перегрузка этого вечера оказалась колоссальной. Страх, любопытство, шок — всё смешалось в один тугий узел в солнечном сплетении.

— Ладно, — Лера хлопнула себя по коленям и встала. — На сегодня теории достаточно. Тебе нужно отдохнуть. Завтра будет долгий день. И долгая ночь.

Она подошла к старому, продавленному дивану в углу комнаты.

— Здесь спят новенькие. Белье чистое, я постирала. Утром вернемся в деревню поодиночке, чтобы не вызывать подозрений.

Антон поднялся, прижимая рюкзак к боку. Он чувствовал на себе изучающие взгляды всей стаи. Оценивающие, настороженные. Теперь он был частью этого маленького, закрытого мира, хотел он того или нет.

— Спасибо, — неуверенно проговорил он, глядя на Леру.

— Пока не за что, — серьезно ответила она. — Настоящее спасибо ты скажешь нам завтра утром, если останешься целым и сохранишь рассудок. Сладких снов, Трофимов.

Антон лег на диван, накрывшись тонким шерстяным одеялом. Сон не шел. Он лежал, прислушиваясь к звукам в избушке: тихому разговору Ильи и Леры (они обсуждали маршрут завтрашнего бега), сопению Димки, который свернулся калачиком на матрасе у стены, и абсолютной, звенящей тишине, исходившей от Кати. Сквозь щели в бревенчатых стенах просачивался ночной холод, но Антону было жарко. Внутри него бушевал пожар.

Мысли путались. Еще вчера его главной проблемой была двойка по химии и насмешки одноклассников. Сегодня он лежит на заброшенной заимке в компании оборотней, готовясь к своему первому осознанному превращению. Реальность дала трещину, и то, что находилось по ту сторону этой трещины, было одновременно пугающим и невероятно притягательным.

Сон все-таки сморил его ближе к рассвету. И сны были яркими. Он снова бежал по ночному лесу, но на этот раз он не был одинок. Рядом с ним неслась черная тень — Лера. Чуть позади мощно ступал крупный серый зверь — Илья. Они бежали легко и свободно, единым организмом, связанным невидимыми нитями. Лес приветствовал их, расступаясь перед ними.

Это было чувство абсолютной свободы и единства, которого Антон никогда не испытывал в человеческой жизни. Он был дома.

Проснулся он от того, что кто-то осторожно потряс его за плечо. Над ним склонилась Лера.

— Подъем, соня. Солнце давно встало. Нам пора разбежаться, пока деревенские не начали пасти коров.

За окном было светло. Огонь в очаге погас, оставив после себя лишь кучку серого пепла и едкий дымок. Избушка казалась пустой и заброшенной. Димки и Кати уже не было. Илья сидел у окна и точил охотничий нож, размеренно водя бруском по лезвию. Звук был неприятным, скрежещущим.

Антон сел, потер лицо ладонями. Ночью его куртка упала на пол, и теперь ткань была влажной от холодной росы. Тело затекло, ныла каждая мышца.

— Держи, — Лера протянула ему пластиковую бутылку с водой. — Выпей. После первой встречи со стаей всегда сушняк.

Антон жадно припал к бутылке. Вода показалась ему вкуснее любого напитка в его жизни.

— Сколько времени?

— Девятый час. Автобус в город проходит мимо школы в десять тридцать. Успеешь.

Они вышли из заимки вместе. Утренний лес встретил их прохладой и росой. Солнце с трудом пробивалось сквозь густые кроны сосен, рисуя на земле причудливые узоры света и тени. Воздух был свеж и прозрачен, каждый звук отдавался эхом.

Антон шел молча, переваривая события прошедшей ночи. Лера шагала рядом, засунув руки в карманы куртки.

— Ты справишься, — вдруг сказала она, не глядя на него. — Я вижу в тебе стержень. Просто... не бойся себя. То, что внутри — это тоже ты. Примитивная, дикая, но честная часть.

— А ты? — спросил Артём. — Ты боялась?

Лера помолчала, перепрыгивая через поваленное дерево.

— До одури, — честно призналась она. — Мне было четырнадцать. Я обратилась прямо в сарае, перебудив всю семью. Думала, сошла с ума. Меня нашел Илья. Приволок сюда. Орал на меня два часа подряд, а потом научил дышать. Страх уходит, когда понимаешь, что ты не чудовище. Ты просто другой.

Они дошли до опушки леса, откуда уже была видна школа.

— Дальше сам, — сказала Лера. — Встречаемся здесь же завтра, как стемнеет. Оденься удобно. И ничего не ешь часов за шесть до выхода.

— Почему?

— Полный желудок может вывернуться наизнанку при трансформации. Неприятное зрелище, поверь.

Она развернулась, чтобы уйти.

— Лера, — окликнул её Антон. — А что значит фраза Кати? Ну, про то, что мой зверь голодный?

Девушка остановилась и обернулась. Взгляд её стал серьезным и колючим.

— Это значит, что твой потенциал огромен. Но он требует подпитки. Энергии. Ярости. Страсти. Если ты не научишься его кормить контролируемыми выбросами адреналина, он начнет жрать тебя изнутри. Или искать пищу вовне. Понимаешь, о чем я?

Антон понимал. Голод, который он почувствовал при виде крови... Это было предупреждение.

— Да.

— Вот и хорошо. Будь осторожен, Антон. До завтра.

Она скрылась за деревьями, слившись с тенями. Антон остался один на краю леса. Он посмотрел на свои руки. Обычные человеческие руки. С грязью под ногтями и парой царапин. Но он знал, что это лишь оболочка. Под тонкой кожей человека прятался хищник. Древний, мощный и очень, очень голодный.

До автобусной остановки он добрался вовремя, погруженный в свои мысли настолько, что чуть не прошел мимо школьного двора. День тянулся невыносимо долго. Уроки превратились в бессмысленный фоновый шум. Химия, русский язык, география — всё это казалось таким далеким и незначительным. Единственным человеком, который заметил его состояние, была учительница литературы.

— Трофимов, вы сегодня какой-то рассеянный. Всё в порядке? — спросила она после урока.

— Да, Марья Ивановна. Просто плохо спал, — соврал он, и ложь обожгла язык горьким привкусом.

Вернувшись домой, он старался вести себя как обычно. Помог матери почистить картошку на ужин, выслушал ворчание отца по поводу оценки в дневнике. Но мыслями он был далеко. Он смотрел на родных и думал о том, какая хрупкая грань отделяет его от них. Одно неверное движение, одна вспышка гнева — и эта грань может исчезнуть навсегда. Он видел в них не просто родителей, а потенциальную угрозу. Или добычу. Эта мысль ужаснула его.

Вечером он долго стоял перед зеркалом в ванной, разглядывая своё отражение. Обычный подросток. Худощавый, немного нескладный. Темные волосы, карие глаза. Ничего особенного. Но он знал правду. За этими знакомыми чертами скрывалась первобытная сила. И завтра ночью она вырвется на свободу.

Антон лег спать рано, но сон не шел. Он лежал в темноте, вслушиваясь в звуки засыпающего дома: мерный храп отца из соседней комнаты, тихое гудение холодильника на кухне, лай собаки где-то вдалеке. Время текло мучительно медленно. Он ждал наступления темноты. Ждал своего второго рождения.

Глава 3. Вкус крови и свободы.

Солнце, словно огромный раскаленный диск из меди, медленно тонуло за кромкой черного леса. Небо на западе еще пылало багрянцем и золотом, но с востока уже наполнила густая, непроглядная тьма, стирая краски дня и зажигая первые, колючие звезды. Антон стоял на опушке один.

Он пришел заранее, как и договаривались, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце и привыкнуть к месту. Лес в сумерках выглядел иначе — не дружелюбным парком для прогулок, а живым, дышащим организмом, полным тайн и скрытого движения. Воздух стал холоднее, пах остывающей землей, прелой листвой и той особенной вечерней свежестью, которая всегда предшествует ночи.

Антон был одет так, как велела Лера: старые спортивные штаны, которые было не жалко порвать, и свободная футболка. Никакой обуви. Босые ступни утопали во влажном мху, ощущая каждую неровность почвы. Он чувствовал себя уязвимым и глупым, стоя здесь в ожидании того, что казалось невозможным.

— Дрожишь? — голос Ильи раздался откуда-то справа, заставив Антона вздрогнуть. Парень вышел из-за толстой сосны совершенно бесшумно, словно соткался из тени. За ним следом появились остальные. Димка жался к Кате, которая, как обычно, казалась абсолютно невозмутимой статуей. Последней вышла Лера. Она окинула взглядом небо, затем посмотрела на Антона.

— Луна скоро поднимется. Идеальное время. Ты готов?

— Нет, — честно ответил Антон. Зубы действительно начали выбивать мелкую дробь, но не столько от холода, сколько от адреналина, бурлящего в крови.

— Этого ответа я и ждала, — усмехнулась она. — Если бы ты сказал «да», я бы решила, что ты идиот или псих. Страх — это нормально. Это значит, что твой человеческий разум все еще при тебе. Зверь не боится, он просто действует. Наша задача — соединить их. Не потерять себя.

Илья скинул куртку, оставшись по пояс голым, несмотря на прохладу. Его тело бугрилось мышцами, на плече белел старый шрам.

— Хватит болтать. Время дорого. Новенький, слушай сюда. Трансформация — это агония. Твое тело будет перестраиваться, кости ломаться и срастаться заново, мышцы рваться и удлиняться. Будет ощущение, будто тебя заживо пропускают через мясорубку. Единственный способ пережить это — расслабиться. Перестань бороться. Позволь боли пройти сквозь тебя, как потоку воды. Не будь плотиной, стань руслом.

Димка тихо всхлипнул где-то позади. Катя положила руку ему на плечо, и тот затих.

— А теперь снимай одежду, — приказал Илья. — Или хочешь потом искать свои шмотки по всему лесу?

Руки Антона дрожали так сильно, что он едва смог стянуть футболку. Оставшись полуголым под прохладным ветром, он почувствовал себя до смешного беззащитным. Он неловко сложил вещи кучкой у ног.

Луна наконец выглянула из-за верхушек деревьев. Её призрачный, серебристый свет залил поляну, превратив обычные тени в чернильные пятна и заставив траву светиться изнутри. Свет был холодным, мертвым, но для Антона он вдруг показался обжигающе горячим. Он ощутил его физически — как волну жара, прокатившуюся по коже.

Внутри него что-то щелкнуло.

Это началось не с костей. Началось с носа. Запахи ударили с такой силой, что Антон пошатнулся. Резкий аромат хвои Ильи, мятный запах шампуня Леры, едкая нотка страха от Димки, горьковатый, древесный дух самой Кати... Мир взорвался палитрой ароматов, каждый

из которых имел свой цвет, форму и текстуру. Затем обострился слух. Он услышал, как в километре отсюда еж копошится под корнями, как бьется сердце мыши в траве, как далеко внизу, в деревне, лает собака. Звуки стали объемными, трехмерными.

А потом пришла боль.

Она началась в позвоночнике. Ощущение было такое, будто кто-то вонзил между позвонками раскаленную спицу и начал медленно её проворачивать. Антон рухнул на колени, хватая ртом воздух. Суставы выкручивало, связки натягивались до предела. Он слышал собственный крик — низкий, животный вой, который никак не мог принадлежать человеку.

— Расслабься! — рыкнул над ухом Илья. — Отпусти!

Легко сказать. Каждая клеточка его тела кричала о помощи, требуя сжаться, свернуться в клубок, защититься от этого кошмара. Но Антон вспомнил слова Леры про реку. Он попытался представить, что он не сопротивляется этой волне агонии, а позволяет ей нести себя. Боль никуда не делась, она стала оглушающей, всепоглощающей, но паника начала отступать, уступая место чему-то более древнему и примитивному.

Кожа на спине лопнула с сухим треском. Из разрывов полезла жесткая черная шерсть. Пальцы на руках начали сливаться вместе, ногти почернели, вытянулись и загнулись, превращаясь в кривые когти. Лицо вытянулось вперед, челюсть хрустнула и выдвинулась, обнажая двойной ряд острых, как иглы, зубов. Изменение черепа было самым жутким — мозг отказывался воспринимать новую геометрию собственного лица.

Последним сдалось зрение. Картинка перед глазами поплыла, потеряла резкость по краям, зато центр стал невероятно четким. Цвета выцвели, мир снова стал черно-белым, но контрастным до рези в глазах. И сквозь эту пелену трансформации пробивался один-единственный инстинкт, заглушающий даже боль.

Голод.

Зверь внутри был голоден. Он чуял тепло живых тел рядом. Чуял пульсирующую кровь. Этот запах перебивал всё остальное. Человеческая часть Антона была заперта где-то глубоко, наблюдая за происходящим со смесью ужаса и первобытного восторга. Она видела мир глазами хищника: вот стоит крупный самец (Илья), сильный, опасный, вожак. Рядом с ним самка (Лера), уверенная, спокойная. В стороне два других, поменьше. Один слабый и испуганный (Димка), другой странный, тихий (Катя).

Но зверь не думал словами. Он воспринимал образы и эмоции. Эмоция вожака была одобрением. Эмоция главной самки — приказом. Приказ звучал коротко и ясно: «*Стая. Мы одно*».

Трансформация завершилась так же внезапно, как и началась. Агония ушла, оставив после себя звенящую пустоту и невероятную легкость. Антон поднялся на четыре мощные лапы. Мышцы перекачивались под густой шерстью, наполненные дикой, необузданной энергией. Он встряхнулся всем телом, прогоняя остатки человеческой слабости, и поднял морду к луне. Из глотки сам собой вырвался громкий, торжествующий вой, эхом разлетевшийся по спящему лесу.

Ему ответили. Вой Илья был низким и властным. Голос Леры — звонким и чистым. Даже Димка издал тонкий, неуверенный визг. Они были стаей.

— Бежим, — мысль-приказ Леры прозвучала в голове четко, хотя никто не произнес ни слова. Это была связь. Нечто большее, чем запах или звук. Прямой контакт сознаний.

Они сорвались с места одновременно. Это было непередаваемо. Скорость. Настоящая, звериная скорость. Лапы пружинили от земли, ветер бил в морду, ночная прохлада обжигала легкие, наполняя их пьянящим чувством свободы. Лес больше не был препятствием — он был игровой площадкой. Низкие ветки хлестали по бокам, но не причиняли вреда. Коряги и поваленные деревья преодолевались одним прыжком. Антон чувствовал своих братьев и сестер рядом, они двигались синхронно, как единый организм, связанный невидимыми нитями.

Они бежали не просто так. У них была цель. Запах. Старый, знакомый запах другого оборотня. Самца. Одинокого бродяги, посмевавшего зайти на их территорию. Инстинкт защиты границ вспыхнул мгновенно, вытеснив остатки голода. Теперь это была охота.

След привел их к старой вырубке. Здесь лес был изуродован следами человеческой деятельности, но именно поэтому чужак и выбрал это место — тут легче спрятаться. Стая рассыпалась веером, окружая добычу. Антон, ведомый чутьем Ильи, заходил слева, отрезая путь к бегству.

Чужак оказался огромным седым волком, гораздо крупнее любого из них. Он стоял на краю поляны, оскалившись, и глухо рычал. В его желтых глазах горела ярость одиночки, загнанного в угол. Он не собирался сдаваться без боя.

Илья выступил вперед. Это был вызов. Бой за лидерство. Седой принял его, бросившись вперед черной молнией. Два мощных тела столкнулись в воздухе с глухим ударом. Клубок из клыков и когтей покатился по земле. Рык, визг, хруст — звуки битвы были ужасающими.

Остальные члены стаи должны были лишь наблюдать, готовые вмешаться, если вожаку понадобится помощь. Но Антон чувствовал другое. Его зверь, этот вечно голодный монстр внутри, видел в этом хаосе не угрозу, а возможность. Седой был силен, но он был стар и ранен. А Антон... он был молод, быстр и полон первобытной ярости, которую только что пережил.

Прежде чем Лера успела его остановить, Антон прыгнул. Он метил не в вожаков, а в бок седому, когда тот на мгновение оказался открыт, пытаясь сбросить с себя Илью. Острые зубы сомкнулись на жесткой шерсти и плоти. Чужак взревел от неожиданности и боли, отвлекаясь от основного противника. Этого мига хватило Илье. Он извернулся и сомкнул челюсти на горле седого. Раздался тошнотворный хруст, и тело старого волка обмякло.

Битва закончилась так же быстро, как и началась. Илья отпустил мертвое тело и отошел в сторону, тяжело дыша. На его боку атели глубокие царапины, но он был победителем. Вся стая собралась вокруг него, выражая подчинение и уважение.

Антон стоял над своей добычей, чувствуя вкус чужой крови во рту. Его трясло от возбуждения. Он сделал это. Он помог вожаку. Он доказал свою силу. Человеческая часть сознания, запертая в глубине, смотрела на убитое животное с ужасом и отвращением. *Мы убили*, — шептал голос разума. *Мы защищали дом*, — отвечал зверь.

Лера подошла к нему и ткнулась мокрым носом в его окровавленную холку. Это был жест одобрения. Связь в стае укрепилась. Антон теперь был не просто новичком. Он был частью целого.

Обратный путь был медленнее. Энергия иссякала, оставляя после себя свинцовую усталость. Когда они вернулись на ту самую поляну, где началось обращение, небо на востоке уже начало сереть. Близился рассвет.

Трансформация обратно в человека оказалась иной. Почти приятной. Это было похоже на то, как после долгого тяжелого дня снимаешь узкую обувь и неудобную одежду. Кости вставали на место с легким, почти массажным пощелкиванием. Шерсть втягивалась в кожу, мышцы сокращались. Вернулось цветное зрение, а затем и способность думать человеческими категориями.

Через несколько минут на поляне стояли пятеро подростков — грязных, потных, покрытых кровью и лесной трухой. Антон упал на четвереньки, его вырвало желчью. Организм избавлялся от стресса. Руки и ноги дрожали так, что он не мог встать.

Димка сидел неподалеку, обхватив колени руками, и беззвучно плакал. Катя молча протянула ему фляжку с водой. Илья осматривал свои раны, шипя от боли, но на лице его блуждала довольная ухмылка победителя. Лера помогла Антону подняться.

— Как ты? — спросила она, внимательно глядя ему в глаза.

— Я... я убил его, — прошептал Антон, и в его голосе слышался не триумф, а шок. — Я хотел помочь, но я... я впился в него.

— Ты действовал как часть стаи, — жестко сказала Лера. — Ты спас Илье жизнь. Или, по крайней мере, серьезно ранил нашего врага. Без тебя исход мог быть другим. Ты поступил правильно. По-звериному правильно.

— Но я чувствую себя чудовищем, — признался он, отводя взгляд.

— Ты не чудовище, — её голос смягчился. — Ты человек, который знает правду о себе. И эта правда дает силу. Завтра ты будешь гордиться собой. А сейчас пойдём. Нужно привести себя в порядок, пока нас не увидели.

Рассвет окрасил верхушки елей в розовый цвет, когда они, пошатываясь от усталости, вышли из леса. Впереди лежал обычный мир: школа, уроки, родители, которые ничего не подозревают. Для Антона этот мир изменился навсегда. Он посмотрел на свои руки, перепачканные землей и засохшей кровью, и понял, что обратного пути действительно нет. Он перешагнул черту.

Ночь охоты закончилась. Начинался новый день. День человека, который познал вкус звериной жизни.

Глава 4. Эхо клыков и цена крови.

Утро после той ночи было похоже на похмелье после самого безумного праздника в жизни. Тело Антона болело так, будто его пропустили через камнедробилку, но это была не острая, рвущая боль трансформации, а тупая, ноющая ломота в каждой мышце. Болели даже те мышцы, о существовании которых он раньше и не подозревал. Он проснулся в своей постели, когда солнце уже стояло высоко, и первое, что он увидел, были его руки. Обычные, человеческие руки с грязью, забившейся под ногти, и парой свежих царапин на костяшках. Никаких когтей. Никакой шерсти.

Но память... Память была пугающе ясной.

Он помнил всё. Холодную росу под босыми ногами. Серебряный свет луны, который жег кожу. Адскую агонию перестройки костей. И самое главное — он помнил *ощущение*. То непередаваемое чувство единства со стаей, когда вы летите сквозь ночной лес как единое целое, и первобытный, животный восторг от погони. А затем — ярость битвы. Вспышка седой шерсти в темноте, хруст костей под клыками и солоноватый, пьянящий вкус чужой крови на языке.

Антон резко сел на кровати, и его тут же замутило. Желудок скрутило спазмом. Он вспомнил слова Леры о полном желудке и понял, что это была не просто метафора. Организм действительно отторгал всё лишнее после чудовищной перегрузки. Он бросился в ванную, где его долго и мучительно выворачивало над раковиной.

«Я убил его», — эта мысль билась в висках в такт пульсу. Не «мы», а именно «я». Илья прикончил седого чужака, это был его законный бой за территорию. Но Антон нанес удар первым. Он впился в бок противника, отвлек его, дал вожаку шанс. Он стал соучастником убийства. И хотя зверь внутри ликовал от победы, человеческая часть Антона содрогалась от ужаса.

Он долго стоял под обжигающе горячим душем, пытаясь смыть с себя не только грязь и засохшую кровь, но и само воспоминание. Вода смывала физические следы, но эхо той ночи осталось внутри навсегда.

В школу он не пошел. Позвонил матери, соврал про дикую головную боль и тошноту. Она поверила — вид у него был соответствующий: бледный, с темными кругами под глазами и общим видом человека, пережившего тяжелую болезнь. Оставшись один в пустой квартире, он не находил себе места. Мысли металась между эйфорией от обретенной силы и липким страхом перед тем, кем он становится.

Ближе к вечеру раздался звонок. На экране телефона высветилось: «Лера».

— Ты как? — её голос звучал спокойно и деловито, без тени вчерашнего волнения.

— Как будто меня переехал каток, — честно ответил Антон. — А потом этот каток вернулся и переехал меня еще раз.

— Это нормально. Тело восстанавливается. Главное — ты цел. Разум на месте?

— В том-то и проблема, что на месте, — горько усмехнулся он. — Я всё помню, Лера. Всё до мельчайших деталей.

— Это хорошо. Значит, интеграция прошла успешно. Ты не потерял себя при переходе.

— Я убил его.

Пауза на том конце провода была едва уловимой.

— Ты помог стае выжить. Это закон природы, Антон. Сильнейший побеждает. Или мы их, или они нас. В тот момент не было ни тебя-человека, ни меня-человека. Были хищники, защищающие свою территорию и своего вожака.

— Звучит как оправдание для маньяка.

— Это не оправдание. Это реальность. Прими её или сойдешь с ума. Ты хочешь научиться контролировать зверя или хочешь остаток жизни провести в психушке, уверенный, что у тебя были галлюцинации?

Её резкий тон подействовал как пощечина. Он прикрыл глаза.

— Я хочу научиться контролировать.

— Тогда приходи на заимку через час. У нас есть дело.

Когда Антон подошел к поляне перед старой избушкой, он уже издали почуял запах гари. Не тот приятный запах костра из сухих дров, а тяжелый смрад горелой плоти и паленой шерсти. Сердце пропустило удар. Воздух был неподвижен, но дым ленивыми клочьями еще висел между стволами сосен.

Вся стая была в сборе. Илья сидел на поваленном бревне и методично протирал тряпкой свой охотничий нож, хотя лезвие и так блестело чистотой. Димка жался к Кате, которая стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрела на дымящееся кострище с абсолютно непроницаемым лицом. Лера подбрасывала ветки в небольшой костер, который они развели заново рядом с большим черным пятном старого пожарища.

В центре этого пятна лежала горка обугленных костей и пепла — всё, что осталось от седого чужака.

— А вот и наш герой проснулся! — Илья поднял голову и оскалился в ухмылке. — Выглядишь дерьмово.

— Что вы делаете? — хрипло спросил Артём, кивнув на костер.

— Избавляемся от улики, — буднично ответила Лера, не отрываясь от своего занятия. — Нельзя оставлять тело. Егеря найдут — начнут прочесывать лес с собаками. Лесничий — мужик дотошный. Начнутся вопросы: откуда волк такого размера? Почему обглодан? А если повезет найти ДНК... В общем, проблемы нам не нужны.

— Мы должны сжечь останки до золы и развеять их по ветру, — глухо добавила Катя, впервые за всё время обращаясь напрямую к Антону. — Так зверь возвращается в лес полностью. Это правильно.

Антон молча подошел ближе к дымящемуся пепелищу. В нос ударил густой запах горелого мяса. Желудок снова сжался в комок. Он смотрел на останки того, кто еще вчера был живым существом, опасным врагом, а теперь превратился в горстку праха.

— Подбрось веток, — приказал Илья. — Нужно сжечь кости до конца.

Антон колебался секунду. Ему не хотелось прикасаться к этому кошмару. Но он сам был частью этого кошмара. Он подошел к куче хвороста, которую натаскала стая, взял несколько сухих веток и аккуратно положил их на тлеющие угли рядом с костями. Пламя жадно лизнуло дерево и перекинулось на обугленные останки.

Они молча стояли вокруг огня, пока последний фрагмент скелета не рассыпался в прах. Димка тихо всхлипывал в стороне. Катя закрыла глаза и что-то беззвучно шептала — возможно, прощалась с поверженным противником по своим законам. Илья курил самокрутку и сплевывал на землю.

Когда дело было сделано, Лера взяла старую жестяную банку из-под краски, которая валялась тут же, сгребла в неё весь пепел лопатой.

— Развеешь? — спросила она Катю.

Та молча кивнула, взяла банку и скрылась в лесу без единого слова.

— Ну что ж, — Илья хлопнул себя по коленям и встал. — Поздравляю тебя с боевым крещением, Трофимов. Ты не облажался. Держался в стае как надо.

— Я чувствую себя чудовищем, — тихо сказал Артём, глядя в догорающий огонь.

— Ты не чудовище, — отрезала Лера жестко. — Чудовище — это то животное там, у вырубки. Он был стар, болен и пришел на чужую землю жрать наш молодняк или заражать нас бешенством. Мы сделали то, что должны были сделать хищники для защиты своей экосистемы. Ты чувствуешь вину только потому, что ты человек. Зверь внутри тебя не чувствует ничего, кроме удовлетворения от удачной охоты и защиты стаи.

Она подошла к нему вплотную и посмотрела прямо в глаза.

— Твоя задача — найти баланс между этими двумя сущностями. Не дать одной поглотить другую полностью. Если победит зверь — ты станешь безмозглой тварью-одиночкой вроде того седого ублюдка. Если победит человек — ты сойдешь с ума от ужаса перед тем, что ты есть. Ты должен стать чем-то большим. Сильным хищником с человеческим разумом.

Антон выдержал её взгляд.

— А Катя? Она всегда такая... тихая?

Илья фыркнул:

— Катя у нас особенная. Она чувствует смерть острее всех нас. Говорит с ней на «ты». Для неё убийство — это не просто драка за территорию или выброс адреналина. Это ритуал с большой буквы «Р». Поэтому она всегда молчит после охоты. Она провожает душу убитого врага.

Лера кивнула:

— У каждого из нас свой дар от зверя. У Ильи — сила вожака и абсолютный контроль над телом при обороте. У Димки... ну, он просто живучий как таракан. У меня — обостренное чутье и способность чувствовать эмоции других оборотней через стаюную связь. А у Кати... у неё связь со смертью и предчувствие опасности.

Вернулась Катя. Она выглядела еще более изможденной, чем обычно, но её взгляд стал чуть мягче, когда она посмотрела на Антона.

— Лес принял его дух обратно в себя, — тихо сказала она своим мелодичным голосом. — Теперь он часть вечного круга жизни здесь.

Антон кивнул ей с уважением. Он начинал понимать: их мир был сложнее простых понятий «хищник-жертва». Здесь были свои законы чести, свои ритуалы и своя глубокая философия выживания.

Вечерело. Стая сидела вокруг нового костра уже просто так, отдыхая после тяжелой ночи и работы по сокрытию следов.

— Что теперь? — спросил Антон у Леры.

— Теперь ты официально один из нас, — ответил за неё Илья. — Но это не значит, что учеба окончена. Завтра начнем тренировать тебя осознанно вызывать частичный оборот днем.

Димка поднял голову:

— А мне страшно... Что если я не смогу так? Что если я сорвусь в школе?

Катя положила руку ему на плечо:

— Мы не дадим тебе сорваться, маленький братец. Стая всегда рядом.

Антон слушал их разговоры и чувствовал странное тепло внутри. Несмотря на кровь и смерть вчерашней ночи, он впервые за долгое время не чувствовал себя одиноким. У него была семья. Странная, дикая семья убийц по законам природы, но другой у него теперь не было.

Он смотрел в огонь и думал о том дне в школе через три дня после той ночи на заимке... о двойке по химии Людмилы Викторовны... о насмешках Витьки... И впервые эти проблемы казались ему бесконечно мелкими и далекими по сравнению с тем первобытным законом выживания стаи против всего мира, который он познал здесь, в темном лесу под светом луны.

Он принял свою новую суть со всей её жестокостью и красотой. И обратной дороги действительно не было. Эхо клыков еще долго будет звучать в его памяти как напоминание о цене этой новой силы и новой жизни.

Глава 5. Частицы зверя.

Следующий день в школе превратился для Антона в сюрреалистичный, затянутый сон. Знакомые коридоры, запах столовой, гул голосов — всё это казалось декорациями к какому-то другому, давно забытому фильму. Он смотрел на своих одноклассников и учителей как на существ из иного мира. Они суетились из-за оценок, шептались о новой серии сериала, жаловались на погоду. Их проблемы были микроскопическими, их страхи — смешными.

Витька, его сосед по парте, толкнул его локтем на уроке алгебры.

— Эй, Трофимов, ты где витаешь? Я тебе уже в третий раз говорю: контрольная в пятницу будет жесть. Марья Петровна зверствует.

Антон медленно повернул голову. Он смотрел на Витькино лицо: расширенные поры на носу, прыщик на подбородке, крошка от булки в уголке рта. Он слышал не только слова, но и всё остальное: учащенное сердцебиение соседа (тот волновался из-за контрольной), запах его дешевого дезодоранта и едва уловимый аромат пота. Зверь внутри Антона лениво приоткрыл один глаз и презрительно фыркнул. «Слабак», — прошипел он беззвучно.

— Я в порядке, — ответил Антон ровным голосом, от которого Витька вздрогнул. В этом голосе не было привычной неуверенности. В нём звучала сталь.

Урок тянулся бесконечно. Тригонометрические функции и логарифмы казались бессмысленным набором символов. Мозг Антона был занят другим. Он пытался нащупать внутри себя ту нить, ту вибрацию, которая запускала трансформацию. Вчера это было неизбежно, как прилив, вызванный луной. Сегодня Илья велел ему научиться вызывать это состояние по желанию, хотя бы частично.

«Это как напрягать мышцу, о которой ты не знал», — говорил Илья вчера на заимке. «Найди её. Почувствуй жар в крови. Позволь зверю выглянуть из-за решетки, но не выпускай его полностью».

Антон закрыл глаза под предлогом усталости и опустил голову на руки. Он попытался расслабиться. Вдох через нос. Выдох через рот. Он представил свой позвоночник не как опору, а как канал, по которому течет энергия. Он искал то самое ощущение жжения в костях, которое предшествовало агонии превращения.

Ничего.

Он напрягся сильнее, пытаясь силой вызвать реакцию. Сжал кулаки под партой так, что ногти впились в ладони. Боль была резкой, но человеческой. Зверь лишь недовольно заворочался во сне.

— Трофимов! — резкий окрик учителя математики вырвал его из транса. — Может, вы всё-таки поделитесь с классом своими глубокими размышлениями? Или хотя бы сделаете вид, что слушаете?

Антон открыл глаза. Класс смотрел на него с любопытством и насмешкой.

— Простите, — буркнул он, чувствуя, как щеки заливают краска гнева. Гнева? Нет. Это была не школьная обида. Это была ярость хищника, которого потревожили во время охоты.

Он снова попытался сосредоточиться, но теперь к поиску примешивалась злость. Он вспомнил ощущение скорости в лесу, мощь лап, ударяющих о землю... И вдруг почувствовал *это*. Легкое покалывание в кончиках пальцев. Словно под кожей пробежала слабая искра тока.

Антон замер, боясь спугнуть ощущение. Покалывание усилилось, поднялось по рукам к плечам. Сердце забилось чаще, но не от страха или волнения, а от предвкушения. В груди начал разливаться жар. Не обжигающий огонь трансформации, а теплое, пульсирующее ядро силы.

Он сжал кулак и медленно разжал его. Ему показалось... или ногти действительно стали чуть темнее и тверже? Он рискнул взглянуть на свою руку под партой. Кожа на тыльной стороне

ладони казалась бледнее обычного, а вены проступили четче, словно готовясь нести другую, более густую кровь.

— Трофимов! К доске! Немедленно! — голос учителя донесся как сквозь толщу воды.

Жар внутри начал угасать так же внезапно, как и появился, сменяясь привычной усталостью и разочарованием. Антон встал и поплелся к доске, проклиная всё на свете. Математика сегодня была ему неподвластна так же, как и управление зверем.

Вечером на заимке его ждал холодный душ реальности.

— Ты пытаешься форсировать процесс силой воли? — Илья скривился так, будто Антон предложил ему съесть лимон целиком. — Это тупик. Зверя нельзя заставить выйти пинками. Его нужно *пригласить*. Ты же не тащишь девушку на свидание за волосы? Ты создаешь атмосферу.

— Я пытался расслабиться! — огрызнулся Антон. Он чувствовал себя униженным после неудачи в школе и насмешливого тона Ильи только подливал масла в огонь.

— Ты пытался напрячься и расслабиться одновременно! Это как пытаться уснуть с мыслью «надо срочно уснуть». Не работает! — Илья ходил вокруг него кругами, как тренер вокруг боксера в ринге. — Трансформация — это не физический процесс. Это *состояние души*. Ты должен найти эмоцию-триггер.

— Какую эмоцию? Страх? Голод? Ярость? — Антон перечислял то, что он чувствовал вчера ночью.

— Для первого раза — да! Но это неконтролируемые триггеры. Они срабатывают сами по себе от внешних факторов: луна, угроза жизни... Тебе нужен внутренний рычаг. То, что ты можешь включить сам.

Лера сидела у костра и помешивала угли палкой.

— Попробуй вспомнить самый сильный момент вчерашней ночи, — мягко сказала она. — Не боль и не драку. Вспомни чувство свободы. Когда мы бежали через лес. Когда ты понял свою скорость.

Антон закрыл глаза. Он отмотал память назад, минуя хруст костей и вкус крови. Вот оно... Тот момент, когда они сорвались с места. Ветер в морду (тогда еще морду!), ощущение идеальной координации тела, когда лапы сами находили опору... Чистое, незамутненное счастье полета над землей.

Жар начал возвращаться. Сначала в груди, потом он волной прокатился по рукам и ногам.

— Да... вот так... — прошептала Лера.

Антон почувствовал знакомое натяжение кожи на пальцах. Он опустил взгляд и увидел чудо: ногти медленно темнели, утолщаясь и заостряясь на концах. Кости запястья начали ныть слабой эхо-болью трансформации.

— Стоп! — рявкнул Илья так громко, что Антон вздрогнул и потерял концентрацию.

Всё исчезло. Ногти снова стали обычными ногтями подростка.

— Что? Почему? — выдохнул Антон.

— Потому что ты теряешь контроль! — Илья ткнул его пальцем в грудь. — Твои зрачки начали расширяться! Еще секунда — и ты бы обратился прямо здесь! А у нас тут Димка сидит! Ты хочешь его напугать до полусмерти или порвать?

Димка действительно сидел в углу с круглыми от ужаса глазами.

— Простите... я просто...

— Ты просто молодец! — неожиданно похвалила Лера. — У тебя получилось! Ты вызвал частичный оборот сознательно! Это огромный шаг вперед!

— Но я чуть не сорвался полностью!

— Именно поэтому я здесь! — Илья хлопнул его по плечу тяжелой ладонью. — Моя работа — держать тебя за шкуру, пока ты учишься ходить по канату над пропастью.

Тренировка продолжалась до глубокой ночи. Антон учился входить в состояние частичного оборота и выходить из него по команде «Стоп». Это было похоже на балансирование на лезвии ножа: один неверный шаг мысли — и ты падаешь либо обратно в человеческую слабость, либо срываешься в звериную ярость.

К концу вечера он научился вызывать лишь самые простые изменения: когти на одной руке или обострение зрения до такой степени, что мог различить прожилки на листке дерева в темноте за двадцать метров от костра.

Когда он возвращался домой по ночной деревне, мир снова казался ему другим. Запахи были приглушенными по сравнению с тем, что он ощущал волком, но всё равно невероятно богатыми: запах жареной картошки из окна соседа дяди Коли (с луком!), аромат мокрого асфальта после вечернего полива улиц и далекий след выхлопных газов от проехавшего грузовика.

Он шел босиком по остывающей земле (обувь он оставил у кромки леса), наслаждаясь этими новыми ощущениями силы и контроля. Он больше не был жертвой своей природы. Он начинал становиться её хозяином.

Подходя к своему дому, он замер как вкопанный. На скамейке у соседнего подъезда сидел участковый Петрович и курил дешёвые сигареты без фильтра.

Антон инстинктивно отступил глубже в тень дерева. Участковый был проблемой не потому что мог поймать оборотня (это было бы смешно), а потому что он был носителем *запаха власти*. У него был пистолет и рация — инструменты для убийства хищников вроде Антона на расстоянии. Зверь внутри глухо заворчал при виде этого человека.

Антон заставил себя успокоиться и использовать новое умение: он слегка обострил слух и обоняние.

«...да говорю тебе, Петрович», — донесся из форточка соседнего дома пьяный голос соседа Михалыча. «В лесу опять волки шалят! У Степаниды кур передушили! А вчера Марфа слышала вой прямо у околицы!»

Участковый сплюнул под ноги:

«Волки? Да какие волки... Скорее собаки бродячие или лиса бешеная».

«Не-е-е... Волк так выть не будет! Страшно там стало».

Антон усмехнулся одними уголками губ. Люди всегда пытались объяснить необъяснимое привычными им категориями: собаки ли это были или лиса... Они не видели правды, которая была скрыта у них прямо под носом под покровом ночи и лунного света.

Он бесшумно скользнул мимо участкового (тот даже не повел ухом) и скрылся за калиткой своего дома. Войдя во двор через заднюю дверь гаража (чтобы родители не заметили его отсутствия), он быстро принял душ и лег в постель.

Сон пришел мгновенно. И во сне он снова бежал по лесу со своей стаей под полной луной, но теперь он не боялся боли превращения и не терял себя в кровавом угаре охоты. Он бежал осознанно, наслаждаясь каждым движением мощного тела, чувствуя единство со своими братьями и сестрами по духу.

Утром он проснулся с четким пониманием: вчерашний день был переломным. Он перестал быть просто человеком со страшной тайной или зверем в человеческой шкуре. Он стал чем-то иным — мостом между двумя мирами. И этот мост только начал строиться под его босыми ногами над бездной первобытной силы.

Глава 5.1. Хирургическая точность.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо над заимкой в глубокие багровые тона, когда Антон, наконец, смог удержать частичный оборот дольше чем на десять секунд. Это была изнурительная, выматывающая работа. Мышцы горели от напряжения, пытаясь удержать тело на тонкой грани между двумя формами. Пот градом катился по лбу, смешиваясь с лесной грязью, а дыхание вырывалось из груди хриплыми, рваными толчками.

Он стоял на поляне, босой, в одних только спортивных штанах. Перед ним возвышался Илья, скрестив руки на груди и наблюдая за учеником с хмурым, но удовлетворенным видом. Лера сидела на поваленном бревне, её взгляд был прикован к рукам Антона. Димка и Катя держались в стороне, готовые вмешаться, если новенький потеряет контроль.

— Когти, — скомандовал Илья. — Сосредоточься на правой руке.

Антон закрыл глаза. Он больше не пытался «заставить» зверя выйти. Он искал то самое чувство — воспоминание о свободе бега. Он представил, как его лапы отталкиваются от земли, как ветер свистит в ушах, как мир вокруг смазывается в черно-белую полосу. Жар зародился в солнечном сплетении и медленно пополз вниз по руке.

— Да... вот так... — прошептала Лера.

Антон открыл глаза и посмотрел на свою правую ладонь. Кожа на тыльной стороне натянулась, побелела. Ногти потемнели, стали толще, заострились, превращаясь в матово-черные когти хищника. Суставы пальцев начали ныть — слабое, далекое эхо той боли, что сопровождала полную трансформацию.

— Держи, — голос Ильи был низким и напряженным. — Не давай ему пойти дальше.

Это было самое сложное. Зверь внутри почувствовал вкус силы и хотел большего. Он хотел рвать, бежать, чувствовать подушечками лап холодную землю. Боль в суставах начала нарастать, поднимаясь от кисти к локтю. Антон стиснул зубы так, что скрипнула эмаль. По виску скатилась капля пота.

— Локоть! — резко окликнул Илья. — Я слышу хруст! Останови это!

Антон заставил себя выдохнуть. Он представил не бег, а наоборот — неподвижность. Тишину. Он мысленно «взял» эту волну жара и боли и попытался оттолкнуть её обратно к центру груди. Это было похоже на попытку удержать руками прорвавшуюся плотину.

Когти на руке дрогнули и начали медленно втягиваться обратно под кожу. Ногти возвращали свой человеческий вид. Боль отступила, оставив после себя лишь тупую ломоту в костях.

— Достаточно, — выдохнул Илья и махнул рукой. — Отпускай.

Антон расслабил плечи. Мышцы дрожали от перенапряжения. Он пошатнулся и чуть не упал, но Лера вовремя оказалась рядом и поддержала его под локоть.

— Молодец, — тихо сказала она. — Ты продержался почти минуту.

— Это было... близко, — прохрипел Антон, падая на траву. Он жадно хватал ртом прохладный вечерний воздух.

Илья подошел ближе и присел на корточки перед ним.

— Слишком близко, — жестко отрезал он. Его лицо было непроницаемым. — Ты чуть не потерял контроль над плечевым поясом. Еще пара секунд — и твоя рука превратилась бы в полноценную лапу прямо по локоть. А это значит — порванные связки, вывих сустава и адская боль при обратном переходе.

— Но я же справился? — возразил Антон с нотками вызова в голосе. Усталость смешивалась с пьянящим чувством победы.

— Справился? — Илья усмехнулся, но в его глазах не было веселья. — Ты не справился, Трофимов. Ты выжил. Это разные вещи. Контроль — это когда ты можешь вызвать это состо-

яние по щелчку пальцев и так же легко его прекратить, не вспотев. А ты сейчас выглядишь так, будто марафон пробежал.

Он встал и навис над Антоном грозной тенью.

— Зверь внутри тебя силен. Я это чувую. Но твоя человеческая воля пока слаба и неповоротлива. Ты управляешь им как подросток за рулем гоночного болида: жмешь то на газ до упора, то в панике бьешь по тормозам. Так ты разобьешься в первую же неделю.

— Что мне делать? — обреченно спросил Антон, глядя снизу вверх на вожака.

Илья помолчал секунду, глядя куда-то поверх деревьев на темнеющее небо.

— Учиться тонкости. Твоя ошибка в том, что ты пытаешься управлять этим как краном: открыть или закрыть. А это не кран. Это... струна на гитаре.

Он вытянул вперед свою руку и пошевелил пальцами.

— Смотри внимательно.

На кончиках пальцев Илья появились когти — длинные, идеально острые, матовые лезвия длиной с фалангу пальца. Но самое удивительное было не это. Когти появились не на всей руке сразу. Они проступили только на указательном и среднем пальцах правой руки. Остальные пальцы остались человеческими.

— Видишь? — Илья пошевелил когтистыми пальцами, словно играя на невидимом пианино. Когти со стальным звуком царапнули друг о друга. — Это не грубая сила оборота всего тела. Это точечное воздействие. Я направляю энергию трансформации не во всю руку, а только в эти две фаланги этих двух пальцев.

Он подошел к ближайшему дереву — старой сосне с толстой корой. Легким движением он провел когтями по стволу сверху вниз. Раздался звук разрываемой ткани и дерева. На коре остались четыре идеально ровные, глубокие борозды.

— Это хирургическая точность, — сказал Илья, поворачиваясь к Антону и втягивая когти обратно одним плавным движением. — Ты же вчера действовал как кувалдой по орехам: сильно, эффективно, но грубо и грязно. Ты впился в бок чужаку всем ртом, потому что твой контроль был нулевым. Ты просто хотел причинить боль и остановить врага.

Илья присел рядом с Антоном на корточки и заглянул ему прямо в глаза.

— Твоя задача на завтра: вызвать когти только на одном мизинце левой руки.

Артём уставился на него с открытым ртом.

— На... мизинце? Ты издеваешься?

— Нет! — рывкнул Илья так, что Димка у костра вздрогнул. — В этом весь смысл! Вызвать частичный оборот для удара или бега может любой щенок после первого полнолуния! Это инстинкт выживания! А вот вызвать трансформацию одной-единственной фаланги одного пальца — это уже искусство! Это требует абсолютной концентрации и полного слияния разума с телом зверя без потери человеческого сознания!

Он ткнул Антона пальцем в грудь.

— Если ты научишься управлять такой мизерной частицей своей силы... если ты сможешь заставить зверя проявиться лишь в одной клетке твоего тела... тогда ты сможешь контролировать всё остальное: ярость, голод, инстинкты убийства.

Илья поднялся на ноги и отряхнул колени.

— Завтра в это же время я хочу увидеть коготь на твоём мизинце размером не больше ногтя большого пальца человека. Если не справишься... будем тренировать тебя до тех пор, пока не свалишься от истощения или пока у тебя не получится.

С этими словами он развернулся и пошел к костру, где Катя уже протягивала ему кружку с горячим чаем из термоса.

Антон остался сидеть на траве, чувствуя себя абсолютно разбитым физически и раздавленным морально новым вызовом. Рядом присела Лера.

— Не злись на него за жесткость, — мягко сказала она, протягивая ему вторую кружку с чаем (с лимоном и сахаром — она помнила). — Илья прав насчет «кувалды». Вчера ты спас нас всех своим ударом, но это был удар дикого зверя из засады.

Она сделала паузу, глядя на пламя костра через пар от чая.

— А мы должны быть умнее диких зверей. Мы должны быть *лучше* их.

Антон взял кружку обжигаяще горячими руками (его собственная температура тела все еще была выше нормы после оборота).

— Как он это делает? Так легко? Пальцы...

Лера улыбнулась уголком губ:

— Годы практики и врожденный талант к контролю над микрочастицами энергии трансформации. У каждого из нас есть свой дар от зверя помимо силы и скорости. У Ильи вот это... хирургическая точность тела.

Она посмотрела на Антона серьезным взглядом:

— А у тебя... я чувствую огромный потенциал силы. Твой зверь голоден до предела. Если ты научишься его кормить правильно и направлять эту мощь через узкое горлышко контроля... ты станешь страшным противником.

Антон сделал глоток сладкого чая. Тепло разлилось по телу, немного успокаивая дрожь в мышцах.

— А какой дар у тебя? Кроме чутья?

Лера задумалась на секунду:

— Я умею чувствовать эмоции других оборотней через стаюную связь так четко, будто они мои собственные. Я могу транслировать свои чувства всей стае или читать их намерения за секунду до того, как они что-то сделают.

Она кивнула в сторону Кати:

— А у неё... она чувствует смерть и может говорить с духами леса или убитых врагов перед тем, как мы предадим их останки огню.

Антон посмотрел на молчаливую девушку у костра. Она сидела совершенно неподвижно, словно слившись с тенями деревьев, лишь её глаза поблескивали в свете пламени.

А какой дар у Димки? — спросил он шепотом.

Лера тихо рассмеялась:

— Выживаемость? Шутка... У него высокая скорость регенерации тканей при ранениях в человеческом виде. Раны заживают быстрее обычного человека в разы.

Разговор затих сам собой. Они сидели у костра вместе со всей стаей, пили чай (или просто грели руки о кружки) и слушали треск поленьев в огне. Для Антона этот момент стал символом его новой жизни: физическая боль от тренировок смешивалась с теплом товарищества; жестокость их природы соседствовала с почти семейной заботой друг о друге; тьма леса скрывала их тайну, но пламя костра давало свет и уют их маленькому миру.

Когда стемнело окончательно, Антон отправился домой один (как обычно), чувствуя странную легкость во всем теле после изнурительной тренировки мышц воли. Он шел босиком по лесной тропе (обувь осталась у займки), наслаждаясь прохладой земли под ногами и тишиной спящего леса.

Дома он долго стоял перед зеркалом в ванной комнате уже после душа, изучая свое отражение так пристально, будто видел его впервые. Обычный подросток: худощавый торс, несколько родинок на плече... Но он знал правду. Под этой тонкой оболочкой бушевала первобытная сила.

Закрыв глаза, он снова попытался найти ту струну внутри себя. Не для того чтобы вызвать боль трансформации всего тела или даже руки... а чтобы найти ту самую микроскопическую вибрацию для одного-единственного пальца левой руки.

Он представил свой мизинец отдельно от всего тела как автономную единицу вселенной своего организма. Он сосредоточил всё свое внимание на кончике этого пальца... И вдруг почувствовал отклик! Легкое покалывание было настолько слабым по сравнению с привычным жаром оборота руки целиком, что он едва его заметил!

Антон открыл глаза и посмотрел на свой мизинец с детским восторгом первооткрывателя:

«Я чувствую тебя...»

На кончике ногтя появилось крошечное темное пятнышко размером не больше песчинки — зачаток будущего когтя размером с человеческий ноготь большого пальца, как требовал Илья.

Это была победа микроскопического масштаба посреди огромной войны за контроль над собой. Но для Антона это было начало пути к тому самому «хирургическому» контролю силы зверя внутри него самого.

Глава 5.2. Мизинец и бездна.

Следующий день в школе превратился для Антона в изошренную пытку. Урок алгебры, контрольная по физике, бессмысленная болтовня на перемене — всё это стало лишь фоном, белым шумом, на который его сознание почти не реагировало. Левая рука, спрятанная под партой, стала центром его вселенной. Мизинец. Один-единственный, самый бесполезный палец, на котором теперь было сосредоточено всё его существо.

Он пытался. Честно пытался. На уроке литературы, пока учительница монотонно бубнила про «лишних людей» у Тургенева, Антон закрывал глаза и искал ту микроскопическую вибрацию, которую он нащупал вчера перед сном. Он представлял мизинец отдельно от руки, как крошечный островок дикой природы в океане цивилизации. Он посылал туда мысленные импульсы, пытался разжечь тот крошечный огонек жара.

Ничего.

На биологии, изучая строение клетки, он так сильно сконцентрировался на кончике пальца, что у него начала неметь кисть. Витька толкнул его в бок:

— Эй, ты что, руку отлежал? Пиши давай, сейчас опрос будет.

Антон с трудом разжал кулак и взял ручку. Обычная синяя паста. Обычная гладкая бумага. Обычный мир. Но внутри него бушевала буря. Раздражение, копившееся весь день, начало перерастать в глухую ярость. На кого он злился? На Илью с его невыполнимыми заданиями? На себя за слабость? На этот чертов мизинец, который отказывался подчиняться?

К концу последнего урока он был выжат как лимон. Физически он сидел за партой в душном классе, но ментально он был там, в лесу, на поляне перед заимкой. Он видел перед собой не доску с формулами, а насмешливое лицо Ильи и его идеальные когти на двух пальцах. «Вызвать когти только на одном мизинце левой руки».

Это звучало как издевательство.

Когда Антон добрался до заимки, солнце уже почти село, окрасив небо в грязно-лиловый цвет. Стая была в сборе. Илья точил нож. Димка нервно грыз сухарь. Катя, как всегда, смотрела в одну точку, словно медитируя. Лера подняла голову и коротко кивнула ему в знак приветствия.

Артём молча прошел в центр поляны и встал перед Ильей. Он не стал тратить время на приветствия.

— Я готов.

Илья отложил нож и медленно встал. В его взгляде не было ни сочувствия, ни насмешки — лишь холодный, оценивающий интерес профессионала.

— Показывай.

Антон глубоко вдохнул. Он закрыл глаза и попытался очистить разум от всего: от дневной усталости, от школьной суеты, от насмешек одноклассников. Он представил свой левый мизинец. Кончик пальца. Ноготь. Он вспомнил ощущение из вчерашней ночи — легкий зуд под кожей, предвкушение изменения.

Ничего.

Он попробовал зайти с другой стороны. Он вспомнил ярость. То чувство бессилия перед задачей Ильи. Зверь внутри лениво потянулся на этот зов. По телу Антона пробежала знакомая волна жара. Он почувствовал, как начинают ныть кости в предплечье — верный признак того, что трансформация пытается захватить всю руку целиком.

— Стоп! — резкий окрик Ильи заставил его вздрогнуть и открыть глаза.

Антон посмотрел на свою руку. Кожа на тыльной стороне ладони начала темнеть и грубеть, а ногти на всех пальцах слегка удлинились и заострились.

— Ты опять пытаешься сделать это силой! — прорычал Илья, подходя ближе. — Ты орешь на зверя: «Просыпайся!», а он спросонья лупит кулаком по стене! Ты хочешь контролировать мелочь, а вызываешь землетрясение!

Антон опустил руку и сжал её в кулак, заставляя трансформацию отступить.

— Я не знаю как! — в голосе Антона проскользнули нотки отчаяния. — Я пытаюсь вспомнить свободу бега, как ты учил... Я пытаюсь найти эту... вибрацию... Но её нет!

Илья несколько секунд молча смотрел на него, затем его лицо смягчилось — едва заметно, но для Артёма это было равносильно улыбке Чеширского кота.

— Ты ищешь не то чувство. Свобода бега — это триггер для *полного* оборота или для когтей на всей руке. Это масштабная эмоция. А тебе нужна... точка.

Он подошел к ближайшей сосне и уперся в неё ладонью.

— Смотри на мой палец.

Илья вытянул указательный палец правой руки и медленно провел им по шершавой коре дерева.

— Чувствуешь? — спросил он тихо.

Антон нахмурился:

— Что именно?

— Текстуру. Каждая трещинка, каждый выступ... Мозг считывает это через нервные окончания в подушечке пальца. Это колоссальный объем информации.

Илья остановился и прижал подушечку пальца к одной особенно глубокой борозде в коре.

— А теперь я хочу почувствовать не просто текстуру... Я хочу *стать* этой текстурой.

Он закрыл глаза. На секунду ничего не происходило. Затем Антон увидел чудо: на самом кончике указательного пальца Ильи появился коготь. Но это был не огромный звериный коготь длиной с палец. Это был короткий, идеально острый шип из кератина, размером ровно с подушечку пальца.

С этим микро-когтем Илья снова провел по той же борозде.

Вжик.

Звук был другим — не скрежет по дереву, а резкий шелчок разрезаемого материала. Из борозды вывалился тонкая щепка коры.

— Я не просто касаюсь дерева, — прошептал Илья, открывая глаза и втягивая коготь обратно одним плавным движением. — Я проникаю в него. Я чувствую его структуру изнутри одним прикосновением кончика пальца.

Он повернулся к Антону.

— Твоя задача — не вызвать ярость или свободу бега для одного пальца. Твоя задача — *сфокусировать* их там. Представь, что вся та мощь, которая нужна для превращения всей руки... ты сжимаешь её до размеров игольного ушка и направляешь только в одну точку.

Антон посмотрел на свой мизинец так, словно видел его впервые. Он вытянул руку ладонью вверх.

— Попробуй почувствовать сам ноготь, — подсказала Лера из-за спины Ильи. — Почувствуй его толщину, его плотность...

Антон закрыл глаза. Он перестал думать о звере внутри. Он перестал думать о трансформации как о чем-то мистическом и пугающем. Он сосредоточился исключительно на физических ощущениях своего левого мизинца. Он представил ноготь не как плоскую пластину, а как плотный кристалл кератина.

И вдруг... он почувствовал это.

Это было не похоже на жар или зуд. Это было похоже на то, как если бы внутри ногтя включили крошечный лазерный луч или сверхпроводник под напряжением. Ощущение было локализованным настолько точно, что казалось нереальным.

— Есть... — выдохнул он еле слышно.

Он чуть-чуть усилил мысленный нажим на эту точку «энергии». И тут же почувствовал сопротивление собственного тела — знакомую тянущую боль трансформации, но она была микроскопической! Она была заперта внутри одной фаланги одного пальца!

Артём открыл глаза и посмотрел вниз.

На кончике его левого мизинца вырос коготь.

Он был идеальным: матово-черный, острый как игла, длиной ровно с последнюю фалангу пальца и толщиной с человеческий ноготь большого пальца — точно по заданию Ильи.

Это была победа.

— Да! — Лера не удержалась от радостного возгласа и хлопнула в ладоши.

Димка восторженно пискнул откуда-то сбоку.

Даже Катя чуть заметно кивнула, словно признавая успех новичка.

Антон поднял руку перед лицом и пошевелил мизинцем отдельно от остальных пальцев (это получилось само собой). Коготь двигался вместе с ним абсолютно естественно, словно всегда там был. Это было странное чувство — видеть частичку зверя на кончике самого человеческого из пальцев.

Илья подошел ближе и внимательно осмотрел коготь со всех сторон. Он даже потрогал его пальцем (Антон почувствовал прикосновение как легкое покалывание).

— Отлично, — наконец вынес вердикт вожак. В его голосе слышалось искреннее уважение. — Для первого раза — идеально чисто. Ни следа спонтанного расширения на соседние фаланги. Контроль есть.

Он посмотрел Антону прямо в глаза:

— А теперь сломай его об это дерево.

Улыбка сползла с лица Антона так же быстро, как появилась.

— Что?

— Ты слышал меня. Сломай его. Ударь мизинцем по стволу со всей силы.

— Но зачем? Я же только что...

— Делай! — рявкнул Илья так властно, что у Антона не осталось выбора.

Сбитый с толку и немного обиженный таким поворотом событий, Антон подошел к сосне. Он занес руку... и замер в нерешительности. Ломать то, что ты только что с таким трудом создал? Это казалось абсурдом.

— Быстрее! — поторопил Илья. — Не давай когтю закрепиться! Пока связь нестабильна!

Пожав плечами от непонимания логики происходящего, Антон резко ударил кончиком мизинца по шершавой коре дерева.

Крак.

Звук был сухим и коротким — звук ломающейся сухой ветки или пластика. Коготь треснул у самого основания и отлетел в траву, оставив после себя лишь гладкий срез на ногте Антона.

Боли не было совсем. Лишь легкое онемение в кончике пальца прошло через секунду.

Антон поднял руку и уставился на свой мизинец. Ноготь был целым и невредимым, человеческим до последней клетки.

— Теперь объясни мне, зачем это было нужно? — спросил он Илью, поворачиваясь к нему с вызовом во взгляде.

Илья усмехнулся:

— Затем, что ты должен понимать разницу между *частичным оборотом* и *трансформацией*. То, что ты сделал сейчас — это трансформация ногтя в кератиновую броню зверя. Она прочная для укуса или царапанья, но хрупкая для удара о твердую поверхность вроде дерева или камня. Она не является частью твоего тела в полной мере так же, как настоящий коготь при полном обороте лапы.

Он подошел к дереву и продемонстрировал свой фокус еще раз: вызвал микро-коготь на указательном пальце и с силой провел им по коре. Коготь даже не треснул; он просто оставил глубокий разрез в дереве без малейшего вреда для себя.

— Видишь разницу? Мой коготь при частичном обороте неразрушим для внешних воздействий так же, как если бы я обратился полностью. Твой же пока — лишь внешняя оболочка из измененного белка. Она служит своей цели — режет плоть врага или помогает карабкаться по деревьям (если ты идиот), но она ломается при ударе о преграду сильнее её самой.

Он положил тяжелую руку Антону на плечо:

— Ты сделал первый шаг сегодня вечером. Ты научился фокусировать энергию трансформации в одной точке без потери контроля над остальным телом. Это база. Но теперь тебе предстоит научиться делать эту структуру стабильной и неразрушимой изнутри. Это следующий уровень контроля над микрочастицами энергии зверя внутри тебя.

Антон посмотрел на отлетевший коготь-щепку у своих ног, а затем снова на свой целый мизинец. Он чувствовал себя одновременно опустошенным после напряжения и невероятно воодушевленным от успеха и новых знаний. Он понял урок Ильи: сила без контроля хрупка так же, как этот сломанный коготь из кератина.

Он поднял взгляд на жоака:

— Я понял тебя... учитель.

Илья хмыкнул:

— Завтра попробуем сделать то же самое с ногтем большого пальца правой ноги. И без шуток про педикюр — это самая сильная точка опоры при беге на четырех лапах.

Глава 6. Тень в чаще.

Две недели пролетели как один бесконечный, изматывающий марафон. Жизнь Антона окончательно раскололась на две несмешивающиеся реальности. Днём он был обычным школьником, который с трудом высиживал уроки, механически записывал лекции и на автомате отвечал на вопросы учителей. Ночью он становился хищником, бегущим сквозь тьму, или учеником, пытающимся обуздать рвущуюся наружу первобытную силу.

Тренировки на заимке стали его новой нормой. Он научился вызывать частичный оборот не только на мизинце, но и на любом другом пальце по отдельности, а затем и на нескольких сразу. Илья был неумолим. Он заставлял Антона отращивать когти, стоя на одной ноге, балансируя на тонком бревне над ручьем, или во время спарринга, когда нужно было уворачиваться от ударов и одновременно концентрироваться на трансформации. Это было похоже на попытку жонглировать бензопилами, стоя на канате.

Но самое сложное было не это. Самое сложное было научиться *не* обращаться. Контролировать не только ярость, но и страх. Илья специально провоцировал его: резко кричал, делал ложные выпады, кидал в лицо горсть сухой хвои. Зверь внутри Антона в такие моменты взывал от ярости и инстинктивно требовал выпустить когти для защиты. Антон учился давить этот импульс в зародыше, сохраняя человеческий облик даже тогда, когда каждый нерв кричал об опасности.

В школе же всё шло своим чередом. Слухи о «волках» в лесу утихли, превратившись в очередную деревенскую байку для заезжих туристов. Антон стал замечать за собой новые привычки: он никогда не поворачивался к людям спиной в узких коридорах, его взгляд постоянно сканировал помещение на предмет путей отхода, а резкие запахи дешевой еды в столовой вызывали почти физическое отвращение.

В тот вечер всё шло по привычному сценарию. После уроков Антон, как обычно, свернул с главной дороги в лес. Он шел босиком — это стало для него ритуалом, способом быстрее почувствовать лесную почву, настроиться на нужный лад. Сумерки стужались быстро, превращая знакомые тропинки в лабиринты из серых теней.

Он был уже в десяти минутах ходьбы от заимки, когда *это* случилось.

Воздух изменился.

Это было неуловимое изменение, которое обычный человек никогда бы не заметил. Ветер стих совершенно, и вместе с ним исчезли все привычные звуки вечернего леса: перестали трещать сверчки, умолкла какая-то ночная птица. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Но главное — исчезли запахи.

Для Антона лес всегда был симфонией ароматов: влажный мох, горькая кора сосен, сладковатый запах прелых листьев, далекий след выхлопных газов от проезжавшей по трассе машины... Сейчас же его нос улавливал лишь стерильную пустоту. Как будто кто-то взял огромный невидимый ластик и стер из мира все запахи в радиусе сотни метров.

А затем пришел *новый* запах.

Он не пах как волк. Он не пах как человек или зверь. Это был запах абсолютного отсутствия жизни. Так пахнет глубокий склеп, запертый тысячу лет назад. Так пахнет промерзшая насквозь земля на кладбище зимой. Это был запах холодной пустоты и древнего голода.

Антон замер на месте. Его человеческая часть хотела развернуться и бежать к заимке со всех ног. Звериная же — ошетилилась, шерсть на загривке встала дыбом (хотя физически её еще не было). Инстинкт самосохранения кричал об опасности такой силы, с которой он еще никогда не сталкивался.

Из-за толстой ели справа от него медленно выступила тень.

Сначала Антон подумал, что это просто игра света — луна скрылась за облаком, погрузив лес в непроглядную тьму. Но тень не двигалась вместе с ветками. Она была плотной, осязаемой и имела форму высокого, сгорбленного существа.

Оно не имело четких очертаний. Это была просто сгусток мрака, более плотный, чем окружающая темнота. У него были длинные, тонкие руки-лапы, которые свисали почти до земли, и голова без лица — лишь два тусклых желтых огонька там, где должны были быть глаза. Существо не издавало ни звука. Оно просто стояло и смотрело.

— Кто ты? — голос Антона прозвучал хрипло и жалко даже для его собственных ушей.

Существо не ответило. Оно сделало шаг вперед. Движения были ломаными, неестественными, словно суставы у него гнулись в неправильных направлениях.

Паника ледяной волной окатила Антона. Это был не оборотень. Это было что-то *другое*. Что-то из старых сказок у костра, о которых шепчутся взрослые, чтобы напугать детей. Леший? Банник? Или что-то гораздо хуже?

Существо протянуло к нему свою длинную руку-плеть.

Инстинкт сработал быстрее разума. Антон не стал звать стаю или пытаться договориться. Он просто развернулся и побежал.

Это был не просто бег — это был полет над землей. Страх придал ему нечеловеческую скорость и силу. Он перемахнул через поваленное дерево, которое раньше пришлось бы обходить, одним прыжком преодолел глубокий овраг с ручьем на дне. Лес вокруг слился в сплошную серо-черную полосу.

Но тень не отставала.

Антон не слышал её шагов за спиной — оно двигалось абсолютно бесшумно. Но он *чувствовал* его присутствие. Ощущение ледяного холода между лопатками не исчезало ни на секунду. Тень была быстрее любого зверя и выносливее любого человека.

«К заимке! Нужно предупредить Илью!»

Эта мысль билась в голове как пойманная птица. Если это существо нападет на них всех... Антон представил Катю или Димку перед лицом этой древней твари и прибавил скорости, хотя казалось, что быстрее уже невозможно.

Он вылетел на поляну перед заимкой задыхаясь, с горящими легкими и огнем в мышцах ног. Из трубы избушки шел дымок — стая была дома.

— Илья! Лера! — закричал он во всё горло, бросаясь к двери.

Дверь распахнулась раньше, чем он успел до неё добежать. На пороге стоял Илья. Он был обнажен по пояс (они как раз тренировались), его грудь тяжело вздымалась, а глаза горели яростным огнем вожака, готового защищать свою территорию от любого вторжения.

— Что случилось? — прорычал он.

Антон обернулся назад, к кромке леса, из которой только что выбежал.

— Там... Оно... Тень... Без запаха... Желтые глаза...

Илья мгновенно подобрался. Его ноздри раздулись, втягивая воздух леса, но затем он нахмурился точно так же, как Антон несколько минут назад.

— Я ничего не чую... И не слышу.

— Оно здесь! Оно прямо за мной шло!

В этот момент из-за угла избушки вышла Катя. Она двигалась медленно, словно во сне. Её огромные темные глаза были широко раскрыты и смотрели не на Антона или Илью, а куда-то сквозь них, в пустоту леса за их спинами.

— Оно здесь... — прошептала она тихим, лишенным эмоций голосом. — Древний голод... Пустота... Оно пришло за нами...

Илья оттолкнул Антона себе за спину и встал в боевую стойку.

— В дом! Все в дом! Живо!

В этот момент луна снова выглянула из-за облаков, заливая поляну мертвенным светом.

Тень стояла у кромки леса, всего в десяти шагах от них. Она больше не пряталась. Теперь её силуэт был виден отчетливо: высокий, тощий гуманоид с непропорционально длинными конечностями и головой без черт лица, кроме двух тусклых желтых огней глаз.

Существо издало звук.

Это был не рык и не вой. Это был скрежет камня о стекло и скрип несмазанных петель одновременно — звук абсолютной дисгармонии, от которого зубы заныли, а внутренности скрутило узлом.

Катя сделала шаг вперед, выходя из-за спины Ильи навстречу тени.

— Нет! — крикнул Илья, хватая её за руку.

Но Катя даже не заметила этого прикосновения. Она смотрела только на тень.

— Мы не враги тебе... — прошептала она существу так же тихо. — Мы дети этого леса... как и ты...

Тень замерла. Желтые огни глаз уставились на хрупкую фигурку девушки. На секунду Артёму показалось, что напряжение спадает.

А затем тень метнулась вперед с невероятной скоростью размазанной полосы мрака.

Всё произошло за доли секунды.

Илья среагировал мгновенно: он рванул Катю на себя с такой силой, что она упала на землю позади него, а сам бросился наперерез тени. Вожак обратился прямо в прыжке — трансформация была мгновенной и полной. Там, где только что стоял человек, приземлился огромный серый волк с горящими янтарными глазами.

Но тень была быстрее.

Она просто прошла *сквозь* Илью-волка так, словно тот был сделан из дыма. Волк пролетел по инерции несколько метров вперед и кубарем покатился по траве от удара о землю.

Тень нависла над Катей.

Антон почувствовал, как внутри него поднимается волна слепой ярости и страха за сестру по стае. Забыв обо всех тренировках Ильи о контроле и частичном обороте, он обратился полностью и бездумно бросился вперед с утробным рыком:

— Не тронь её!

Он врезался в тень сбоку в прыжке, целясь клыками в то место, где у существа должна была быть шея. Его челюсти сомкнулись... на пустоте. Зубы клацнули друг о друга с жутким звуком. Тень даже не пошатнулась от удара многотонного тела оборотня.

Существо медленно повернуло свою безликую голову к Антону. Желтые огни глаз впились в него с невыносимой тяжестью. А затем оно просто подняло свою длинную руку-плеть и небрежно отшвырнуло Антона в сторону одним движением кисти.

Удар о ствол старой сосны вышиб из него дух и погасил сознание всего на пару секунд. Когда зрение прояснилось, он увидел страшную картину: тень нависала над Катей неподвижным столбом мрака, а та лежала на земле абсолютно белая как мел, с широко открытыми глазами и едва заметной струйкой крови, вытекающей из уголка рта.

Илья уже поднялся на лапы и снова бросился в атаку с яростным воем вожака-защитника: — Убирайся с нашей земли!

Тень наконец обратила внимание на него. Она медленно повернулась к волку... а затем просто растаяла в воздухе, превратившись обратно в непроглядную черноту ночи. Исчезла так же бесшумно и внезапно, как появилась.

Наступила тишина.

Антон с трудом поднялся на лапы (обратная трансформация сейчас требовала слишком много сил) и подбежал к Кате. Илья уже был рядом с ней в человеческом виде (вожак умел обращаться мгновенно), прижимая пальцы к её шее.

— Жива... Дышит... Но она ледяная...

Из избушки выбежали Лера и Димка с фонариками.

— Что это было?! Что с Катей?!

Илья поднял Катю на руки легко, словно она ничего не весила.

— В дом! Быстро! Разведите огонь посильнее! Ей нужно тепло!

Они внесли девушку внутрь и уложили её на старый диван у очага. Илья растирал ей руки и ноги, пытаясь согреть окоченевшее тело. Лера укутала её всеми одеялами, которые только нашлись в избушке. Димка сидел в углу белый как стена и тихо скулил от ужаса.

Через полчаса Катя наконец слабо застонала и открыла глаза. Взгляд был осмысленным, но полным дикого ужаса того, что она увидела или почувствовала при контакте с тенью.

— Что... что это было? — прошептал Димка дрожащим голосом со своего угла.

Катя перевела взгляд на Илью:

— Это не зверь... И не дух леса... Это хуже... Это *погибель*. Древняя сущность из-за грани мира... Она питается самой жизнью... самой сутью оборотня...

Она закашлялась:

— Я говорила с ней... Я пыталась сказать ей то же самое... что мы часть этого мира... Но она глуха к словам... Она видит только пищу...

Илья сел прямо на пол рядом с диваном и обхватил голову руками:

— Черт возьми... Мы охотники здесь... Мы вершина пищевой цепи... А теперь мы сами стали добычей?

Антон сидел у стены напротив очага. Он смотрел в огонь невидящим взглядом. Он всё ещё чувствовал тот ледяной холод прикосновения тени к своей душе (или тому месту внутри зверя, где находится душа). Он вспомнил слова Кати: «Древняя сущность из-за грани мира».

Стая столкнулась с чем-то таким, против чего их когти и клыки были бессильны так же, как зубочистки против танка. И это существо пришло именно за ними.

Глава 6.1. Шёпот в пустоте.

Ночь на заимке прошла в напряжении, которое можно было резать ножом. Огонь в очаге пылал так жарко, что от мокрой одежды, развешанной на веревках у потолка, шел густой пар, но холод, принесенный тенью, казалось, въелся в сами бревна стен. Он не был физическим — это был метафизический озноб, от которого не спасали ни шерстяные одеяла, ни близость товарищей.

Катя пришла в себя окончательно только к полуночи. Она была слаба, как новорожденный котенок. Илья на руках отнес её к импровизированной лежанке из еловых веток и укрыл всеми одеялами, что нашлись в избушке. Девушка не сопротивлялась, но её огромные глаза были пусты. В них застыл тот первобытный ужас, который она испытала при контакте с сущностью.

Антон сидел у стены, подтянув колени к груди. Он смотрел на Катю и чувствовал глухую, бессильную ярость. Он был готов драться. Он хотел разорвать врага клыками, как сделал это с седым чужаком. Но его клыки оказались бесполезны. Он ударил пустоту. Это унижение жгло его изнутри сильнее, чем боль от удара о дерево.

— Что это было? — наконец нарушил тяжелую тишину Димка. Его голос дрожал и срывался на фальцет. — Оно... оно прошло сквозь Илью! Как призрак! Как мы можем убить то, что нельзя даже ударить?

Илья сидел у огня, обхватив колени руками. Его лицо, обычно суровое и непроницаемое, сейчас выглядело изможденным и старым. Вожак стаи столкнулся с угрозой, против которой его сила вожака была ничем.

— Это не призрак, — глухо ответил он, не отрывая взгляда от пламени. — Призраки не могут причинить физический вред. Они не могут высосать жизнь. Оно... оно коснулось Кати. И оно было материальным настолько, чтобы отбросить Антона как щенка.

Лера, которая всё это время молча ворошила угли в очаге палкой, тихо добавила:

— И у него нет запаха. Я ничего не почувствовала, пока оно не подошло вплотную. Ни зверя, ни мертвеца... Ничего.

— Я говорила с ним... — прошелестел голос Кати из-под груды одеял. Все мгновенно замолчали и повернулись к ней. — Не словами... Оно... оно не понимает слов.

Катя с трудом приподнялась на локте. Её кожа всё ещё была неестественно бледной, почти прозрачной.

— Оно... мыслит образами голода. Бездонной пустоты. Ему нужны не просто кровь или плоть... Ему нужна сама наша суть. Наша *жизненная сила*. То, что делает нас оборотнями.

Она облизнула пересохшие губы.

— Когда оно коснулось меня... я почувствовала, как оно тянет из меня что-то... теплое и живое. Как будто кто-то пытается выпить океан через соломинку. Я... я испугалась. И этот страх... он стал для него пищей.

В избушке повисла гробовая тишина. Слова Кати упали тяжело, как надгробные плиты.

— То есть мы для него — энергетический батончик? — попытался пошутить Димка, но его голос сорвался, и он снова сжался в углу.

— Мы не можем бежать, — твердо сказал Илья, поднимая голову. Его взгляд обвел каждого по очереди: Леру, Димку, Антона и остановился на Кате. — Это наша территория. Мы её метили кровью и бегом. Если мы уйдем, оно пойдет за нами или найдет другую стаю. Мы должны понять его природу и найти способ его остановить.

— Как? — спросил Антон. Он встал и подошел к огню, протягивая озябшие руки к теплу. — Мои когти для него — ничто. Мои клыки прошли сквозь него.

— Значит, нам нужно оружие другого порядка, — отрезал Илья.

Вожак встал и прошелся по тесной комнате из угла в угол.

— Катя сказала ключевую фразу: «оно не понимает слов». Но оно понимает образы. Голод. Пустоту. Нам нужно не физическое оружие... а ментальное.

Он остановился и посмотрел на Артёма тяжелым взглядом.

— Помнишь свой первый урок контроля? Частичный оборот? Ты научился фокусировать энергию зверя в одной точке ногтя.

Антон кивнул:

— Да. Илья заставил меня сломать этот коготь об дерево.

— Верно. Потому что это была лишь внешняя оболочка, трансформация материи без изменения сути энергии внутри неё. Но ты сделал шаг дальше на днях. Помнишь? Ты пытался создать коготь на большом пальце ноги?

Антон поморщился от воспоминания о том, как он полчаса корчился на земле, пытаясь почувствовать свой мизинец на ноге так же отчетливо, как руку.

— Да... Не очень удачно вышло.

Илья усмехнулся уголком губ:

— Неудачно? Ты вызвал микро-спазм энергии в фаланге пальца так сильно, что у тебя свело всю стопу судорогой на час! Это была ошибка контроля, но это была *мощная*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.